

Далия
Трускиновская

Демон
справедливости

Снежный Ком: Вакци

Даля Трускиновская
Демон справедливости

«Снежный Ком»

1995

Трускиновская Д. М.

Демон справедливости / Д. М. Трускиновская — «Снежный Ком», 1995 — (Снежный Ком: Backup)

Мистика - это ангелы, демоны, привидения, бесы. Ангел - добр и крылат, бес - зловреден и хвостат. Но это - норма литературной мистики. А как быть с ангелом, которому предстоит сделать выбор в странной ситуации? А с ангелом, впавшим в грех гордыни? Бывает, что демоны теряют память. Бывает, что привидения теряют рассудок. И бесы, нацепившие повязки с иероглифами, тоже, оказывается, встречаются. Вот они - перед вами...

© Трускиновская Д. М., 1995

© Снежный Ком, 1995

Содержание

Демон справедливости	5
Зазыв с того света	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Далия Трускиновская

Демон справедливости

Демон справедливости

Повесть

Больше всего на свете я любила второе действие «Жизели»...

* * *

Шел третий час ночи, я не могла заснуть. Состояние было такое, в котором те, кто послабее, кидаются в истерику, бьют тарелки, бьются головой о стенку.

Я другая. У меня крепкие нервы. Более чем. И все же заснуть я не могла. Хуже того – я не хотела даже заставить себя раздеться, принять душ, причесаться на ночь. Правда, я не металась по комнате, а тихо сидела в кресле. Но сидеть и думать два с половиной часа подряд тоже вредно для здоровья.

– Черт возьми меня совсем, – наконец сказала я вслух, потому что ночная тишина большого дома стала меня раздражать. И что это за «совсем», где я нахватаюсь этих словечек-паразитов? У кого подцепила проклятое «совсем»?

– Черт возьми меня совсем... Да. Душу бы ему продала, лишь бы, лишь бы!..

То, о чем я сейчас мечтала, было уголовно наказуемым деянием. Я хотела найти человека выше среднего роста, с жесткими руками, с прокуренным гнусным голосом, широкоплечего и костлявого, чтобы убить его. Взять пистолет, которого у меня все равно нет, и пристрелить. Или взять нож, нож у меня есть, я сама точу его, потому что мужчины не имеют даже приходящего. Или набросить на шею ему петли. Это уж совсем просто. Если наловчиться...

– Да. Именно душу. Именно дьяволу. Чтобы он дал мне совершить это. Ведь ходит же по земле такая сволочь!

Из-за этой сволочи я сегодня в два часа дня явилась в райотдел милиции, поднялась по прокуренной лестнице на пятый этаж и постучала в кабинет номер шестнадцать.

– Входите, – ответили мне.

Я вошла.

– Вы Федоренко? – спросил тот, кто сидел за раздрызганным письменным столом, таких уже ни в одном приличном учреждении не увидишь, и одним пальцем стучал на древней, совсем уж музейной машинке.

– Нет, я не Федоренко. Я по делу о нападении на Киевской улице.

Он уставился на меня с недоумением – мне сдуру даже показалось, что с интересом.

– Какое нападение? – ошарашенно спросил он.

– Да в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое мая. Я свидетель.

– Разве я вызывал вас? – уже чуть ли не в панике спросил он. – Я же точно помню, что нет!..

– Не вызывали, – согласилась я. – Я сама пришла. Я же свидетель все-таки. Три недели прошло, а повестки все нет и нет, хотя моя фамилия в вашем деле фигурирует. Вот, решила прийти сама и дать показания.

Мне частенько приходится удивлять людей. Вообще мне это занятие даже нравится – когда речь идет о чем-то забавном. Например, все в отрубке, когда я на тренировке встаю на пуанты. Даже не понимают сперва, что это я такое вытворяю. А мне нужны пуанты, что назы-

вается, для медицинской профилактики – бывает, что подъем барахлит, а с пуантами у него такие штучки не проходят.

– Садитесь, – наконец сообразил он показать на корявый стул. – Впервые вижу, чтобы свидетель пришел в милицию без повестки. То по три повестки посылаешь, и все равно с собаками не найдешь, а то без всякой повестки...

Голос был занудный и брюзгливый.

– Мне рассказывать? – прервала я его.

Ему было куда за сорок, и вид до того усталый – будто вагон с кирпичом разгрузил. Но я знала, что на иных мужчин такое действие производит общение со сломанной пишущей машинкой.

– Рассказывайте, – все еще не придя в себя, позволил он, – только, знаете ли, я ведь совершенно не в курсе.

– То есть, как это не в курсе? – тут уж удивилась я.

– Это дело ко мне только вчера попало.

Тут я вспомнила, что Соня описывала мне следователя как шатена, а этот был яркий брюнет. Даже с каким-то турецким оттенком – у тех, кто с юга Украины, бывают такие выразительные сладкие глаза, от прабабки-турчанки, и, кажется ничего, кроме глаз...

– Ладно, – сказала я, – разберемся. Итак, в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое мы втроем ехали на машине – Валерия Сотникова, Софья Розовская и я. За рулем была Сотникова, Розовская сидела рядом с ней, а я – на заднем сидении. Это имеет значение, потому что нам пришлось разворачиваться, и я глядела назад и давала команды Сотниковой.

– Сотникова – это та, на которую напали? – с сомнением спросил он, даже не пытаясь найти в стопке папок с делами нужную.

– Нет, напали на Розовскую. Мы возвращались домой так поздно не потому, что снимали иностранцев в ночном баре и не потому, что пьянствовали и развратничали на чьей-то хате, как предполагал ваш предшественник. Просто Розовская недавно разменяла квартиру. У них была трехкомнатная, мать Розовской с отчимом переехали в двухкомнатную, а Розовская – в однокомнатную с частичными удобствами на Киевской. Это тоже очень важно – иначе трудно понять, почему все события разворачивались ночью.

– Ну и почему же? – вежливо спросил он.

– Потому что мать Розовской – нервная дама, которую на старости лет угораздило выйти замуж. Отношения в семье стали невыносимые, пришлось разменять квартиру. Как раз одна семья решила взять к себе бабушку-старушку, которая уже почти не встает. И вот Розовская переехала, но часть вещей, в том числе и книги, остались у матери, и из-за них возник очередной конфликт. Поэтому Розовская хотела забрать их при свидетелях и сразу же на машине перевезти домой. Машина есть у Сотниковой, она согласилась помочь. А все мы трое освободились в половине одиннадцатого и сразу же поехали к родителям Розовской. Правда, забрать книги мы не смогли – ее мать разволновалась, начался приступ, тут еще отчим подбавил масла в огонь... Словом, мы с Сотниковой насилу их всех уgomонили к половине первого. Затем мы втроем вышли, сели в машину и сперва решили отвезти Розовскую, потом меня. Мы с Сотниковой живем неподалеку, она меня часто подвозит.

– Пока я не вижу, в чем заключается ваше свидетельство, – заметил он. Видно, уже начал вспоминать детали дела.

– Во-первых, я клятвенно подтверждаю, что никто, ни Сотникова, ни Розовская, ни ее мать, ни ее отчим, ни я – никто не был пьян. И хотя разговор шел на нервах, никто и не помышлял о рукоприкладстве. Правда, Розовская-старшая может дать дочери оплеуху, но не при посторонних. При посторонних она – жертва несправедливости и хрупкое непонятое создание. Это во-первых. Во-вторых – когда мы подъехали, оказалось, что улица перекопана. Вернее, она уже неделю как перекопана, но Розовская ходит пешком и для нее это роли не играет. Она не

сообразила, что на машине там не пробраться. Пришлось заезжать с другой стороны, а потом разворачиваться в очень неудобном месте. Я смотрела в заднее окно и давала советы. Поэтому я знаю, что возле дома не было случайных прохожих, компаний, никто не выгуливал собаку и не валялся мертвецки пьяный. Более того – на протяжении квартала не было ни души – ни в ту, ни в другую сторону. Но когда мы не смогли развернуться нормально, Сотникова решила заехать в подворотню и совершить разворот из подворотни. Я доходчиво говорю?

– Вполне, – видно, он не заметил шпильки.

– Я смотрела в глубину подворотни, чтобы не задеть о стены и не раздавить какого-нибудь кота. А в ту подворотню выходит еще две двери – одну прорубил кооператив, она ведет в подвал, а другая – на лестницу, по которой можно подняться на третий этаж к Розовской. На эту же лестницу можно попасть и из парадного, прямо с улицы, это куда проще. Не рискуешь стукнуться лбом. Дверь из подворотни так неудачно сделана, что выходишь в парадное как раз под лестницей, ступеньки просто нависают над косяком. Естественно, там всегда темно, даже когда на лестнице горит свет – а горит он обычно на втором этаже и на третьем, этого хватает, чтобы внизу не споткнуться.

– Это что, тоже имеет отношение к делу? – скривился он.

– К сожалению, имеет.

Мне часто приходится качать права. Когда внушаешь директору клуба, что нужно починить форточку, иначе без кислорода на тренировке возможны обмороки, или когда объясняешь какую-нибудь закавыку бухгалтеру, нужно говорить мягко и спокойно, как с неразумным дитем, и не пытаться разнообразить свое выступление, а просто повторять одно и то же несколько раз в лаконичной формулировке – если не поймут, то хотя бы запомнят. Поэтому со мной лучше не связываться.

– Ну так вот, – я начала описывать свое торчание на заднем сидении «Москвича» в третий раз. – Я сидела сзади и внимательно смотрела, как бы не повредить машину или, не дай Бог, человека. И я видела, как кто-то со двора через выходящую в подворотню дверь вошел в парадное. Еще одна деталь – там жуткое эхо. Дома старые, гулкие. Когда идешь на каблучках, слышно за версту – так отдается в подворотнях. Это тоже важно. Итак, человек, который ночью сидел во дворе и дышал свежим воздухом – там, кстати, и скамейка есть, – очень быстро шмыгнул в дверь. Естественно, я не видела его лица. Могу сказать определенно одно – это был мужчина выше среднего роста, потому что, входя, он быстро пригнулся. И он, видно, знает, что косяк там низкий – иначе не успел бы пригнуться. Так вот, мы развернулись, выехали и оказались у подъезда. Тогда я сказала Розовской, что лучше несколько минут подождать – там кто-то вошел, соседи у нее подозрительные, пусть уж этот мужик в одиночестве идет к себе домой. Мы подождали, потом Розовская вышла из машины и вошла в подъезд. Тогда мы поехали прямо по Киевской. Сотникова отвезла меня ко мне домой, а сама поехала к себе. На следующий день я узнала, что на Розовскую в подъезде напали, пытались задушить, но она вырвалась и выскочила на улицу. Там, к счастью, ей удалось упасть в обморок прямо под колеса легкового автомобиля. У водителя просто не было выбора – он вышел, увидел, что Розовская вся в крови, и повез ее в больницу. Там вызвали милицию, сразу же взяли у нее показания, что, на мой взгляд, не совсем тактично, а затем, вместо того, чтобы ехать к ней домой, на Киевскую, искать следы преступника, поехали – угадайте, куда?

– Сдаюсь, – буркнул он. Хотя я по глазам видела – его ментовская логика подсказывает ему, что ехать нужно туда, откуда прибыла к себе домой пострадавшая.

– К ее матери и отчиму, – подтвердила я. – Подняли стариков из постели, переполошили, и, вы не поверите, запугали. От них требовали признаться, что тут у них была пьянка и что они сгоряча раскровянили Розовской голову! Как вам это понравится?

– Бывали случаи, когда женщины не хотели подставлять тех, кто их действительно поколотил, и выдумывали всяких насильников в подъездах, – сказал он. – Мы все обязаны проверить.

– Вы хотите сказать, что больная старуха, пусть даже и истеричная, может схватить за волосы молодую женщину и ударить ее несколько раз головой о стену так, что врачи заподозрят сотрясение мозга? А потом посадить ее в машину и отправить ко всем чертям? Она не подарок, но она мать все-таки.

– А отчим? – спросил он.

– Он в их склоки мало вмешивается. Да старуха ему бы и не позволила.

– Ну и какие же у вас претензии? – поинтересовался он и наконец полез за папкой с делом.

Папка была совсем новая и совсем тоненькая – в ней лежали четыре листка, их-то он и выложил перед собой с несколько горделивым видом. Он хотел показать, что занимается этим странным делом всерьез, что все показания в наличии, ничего не пропало, бумажки свято соблюдаются.

– Мне интересно, почему вместо того, чтобы тормозить стариков, ваш сотрудник не помчался по горячим следам?

– Не было там никаких следов, – кинув взгляд на вторую из бумаг, сказал этот человек.

– Были. Сама видела.

Тут он на меня уставился почище, чем в начале нашего разговора.

– Я теперь начинаю вспоминать это дело, – он перетасовал показания с таким видом, будто помнил их наизусть. – Я его уже читал. Наш сотрудник сразу же после беседы с родителями поехал туда и ничего не нашел. Поэтому мы беседовали с родителями Розовской еще раз.

– То есть как это – не нашел? Я наутро все узнала и помчалась к Розовской в больницу! – мне нельзя, нельзя сейчас волноваться, иначе я ничего ему не смогу объяснить! – Она мне рассказала, как давала вашему сотруднику показания, вручила ключ и попросила поехать к ней, привезти в больницу кое-какие вещи. Я, конечно, сразу поехала на Киевскую, спустилась под лестницу и увидела большие пятна крови, а также след от кроссовки. Знаете, зрелище не очень приятное – кровавый след.

– Наш сотрудник ничего этого не видел! – уперся он. – Вот, можете прочитать.

– А ваш сотрудник действительно там был? Может, он ограничился только воспитательной работой со стариками?

Он ничего не ответил и только так посмотрел на меня, что мои кулаки сами собой сжались.

Молчание затянулось.

– Ладно, – сказала я, – возможен и такой вариант. Ваш сотрудник искал следы в парадном, возле той двери, которая выходит на улицу, а ведь Розовская выскочила через ту дверь, что ведет в подворотню. Опять же, там темно, он мог даже не сообразить, что в подъезде есть еще одна дверь.

И тут я увидела – он откровенно обрадовался.

Нетрудно было догадаться, почему.

Я про себя усмехнулась – что значит честь мундира. Ну конечно же, тот юный и взъерошенный охламон, которого описывала мне Соня, вряд ли впопыхах облазил все парадное, даже по времени не получалось. Он беседовал с Соней в два часа ночи, а в половине третьего уже нагрянул пугать мамашу с отчимом. Конечно, может быть и такое – он сперва устроил у них переполох с валидолом, а потом понесся искать следы в подворотне. Но логичнее предположить, что он едва сунул туда нос, ничего не обнаружил и сообразил, что драчка-то была совсем в другом месте. Впрочем, сложная это штука – милицмейская логика, мне ее не осилить.

Однако напротив меня сидел человек в кителе, смотрел сладкими турецкими глазами, которые мне нравились все меньше и меньше, и ждал, что я еще скажу ему хорошего.

– Из всего этого следует, – сказал я, – что Розовскую ждали. Стоя в подворотне, можно видеть, как она подходит к дому, оставаясь при этом незамеченным.

– А может, это и не ее вовсе ждали, – заметил он. – Может, просто пьяный искал приключений на свою голову.

– Когда пьяный пристаёт к женщине, он не с того начинает, чтобы придушить. Он сперва с разговором лезет, – со знанием дела ответила я. – И пьяный не шепчет жертве, когда она хрипит и выдирается, совершенно трезвым голосом; «Ну, тихо, тихо, я тебе еще ничего не сделал!»

– Это вам Розовская сказала?

– Да. Она и вашему коллеге сказала, что запаха водки не было.

– Может, напирялся? – предположил он.

– Может, и напирялся. Если вдуматься, какая разница? Вам ведь все равно, кого искать – пьяницу или наркомана, лишь бы найти этого мерзавца.

– Трудно его будет найти, – сообщил мне этот человек в кителе даже с каким-то удовольствием. Мне кажется, он с трудом удержал торжествующую улыбку. – Примет никаких. Выше среднего роста мужчин много. Вот если бы Розовская запомнила какую-то деталь... (тут он задумался). Ну, татуировку, что ли?..

Я даже встряхнулась – не снится ли мне эта чушь?

– Примета-то на нем была, – со вздохом сказала я, – но, скорее всего, заросла. У Сони маникюр потрясающий, она ему всю левую руку изодрала ногтями. У нее под ногтями кровь осталась. Там у них, на загнившем Западе, давно бы эту кровь выковыряли и хоть группу установили.

– Ах, на Западе? Хм... На Западе – конечно...

И я поняла, что сейчас он начнет аккуратно выдвирать меня из кабинета. Конечно, запишет показания, я прочту, исправлю грамматические ошибки и вставлю куда нужно полдюжины запятых. И он выглянет в коридор – там его наверняка уже ждут. Или посмотрит на часы и вспомнит что-то срочное.

Записывая показания, он уточнил детали – во что была одета Розовская, какие вещи просила принести в больницу, не знаю ли я в лицо и поименно ее личных врагов. А какие, к бесу, враги могут быть у учительницы химии? Второгодники, что ли?

Все было бы нормально, я сейчас спала бы ангельским сном с сознанием выполненного долга (а с кем-чем еще?..), но он, добравшись до конца моих показаний, вдруг отложил бумагу в сторонку, внимательно поглядел на меня и спросил:

– А может быть, вы там, у, родителей, все-таки выпили? А? Вы подумайте, вспомните...

Он не то чтобы не верил мне – ему незачем было верить. Ему было удобнее не верить. Чтобы не возиться с этой полупридушенной химичкой, которая черт знает что несет, чтобы не докапываться, какой из охламонов впопыхах не разглядел кровавого следа на полу. Чтобы закрыть дело, ему нужно было мое кроткое полупризнание – ну, тяпнули малость, старики разгулялись, в драку полезли. Припадочная матушка встала в стойку «ма-бу» и с воинственным воплем «Кья-а-а!!!» ринулась в атаку. Почтенный отчим, звякнул шпорами, вытянулся в струнку и метнул лассо. Кровь, хрип и обломки импортного гарнитура. Достойный сицилианской мафии приказ: «Выбросьте труп на Киевской!»

У меня есть такая особенность – когда нужно взорваться, я не взрываюсь. Я только двигаюсь и говорю чуть медленнее, чем обычно. Потом, наедине с собой... Да.

Третий час ночи.

Дело закроют.

Если это маньяк, он еще раз подкараулит Соньку.

Либо какую-то другую женщину.

Я ведь почему в милицию пошла? Наивная Сонька выписалась из больницы, когда сняли швы со лба, пожила у подобрешей матушки и опять решила вернуться на Киевскую.

А тот, кто знает там все дворы и подворотни, возможно, только ее и ждет. А она, дурашка, думает, что его ищут, как в кино – с собаками, бравыми лейтенантами и полковниками в благородной седине.

Конечно, может быть и такое – ему не Соня нужна была и вообще не женщина, а просто напирался, примерещилась жуть, пошел мстить всему белому свету. Но ведь он может еще раз напираться.

Соня еще не знала, что ее жизнь все-таки под угрозой. Я не стала звонить ей. Мало радости в таком известии.

Но я это знала – и металась, соображая, как ей помочь, Хотя формально я сидела в кресле два с половиной часа подряд.

Тут-то мне и пришло в голову, что неплохо бы продать душу дьяволу, лишь бы избавить мир от этого наркомана, пьяницы, маньяка, или кто он там есть. Я готова взять на себя эту ответственность.

Это была не ярость... а может, и холодная ярость. Я поняла, что Соньке неоткуда ждать помощи. И Вере Каманиной – она после тренировки едет на другой конец города и тоже в трущобы. И Алке Зайчихе, и Любке Крутых, и Наташе, и Зое – все они возвращаются домой поздно. Три недели назад люди, отвечающие за их безопасность, проворонили сволочь, способную задушить женщину в подъезде. Где теперь бродит эта сволочь и чем занимается – одному Богу ведомо. Убить убийцу – это же справедливо?

– Душу продам дьяволу! Я готова искать его, найти и обезвредить. Только сама не справлюсь. Мне нужна помощь. Если дьявол мне окажет эту помощь – я продам ему душу.

Так я бубнила, сопя и сжимая кулаки. А под мой кулак лучше не попадаться. Он у меня маленький и острый. И поскольку я отжимаюсь от пола на равных с восемнадцатилетними мальчишками вот на этих самых кулаках, удар получается о-о-очень неприятный. Я быстро бегаю, у меня прекрасная реакция. Знаю приемы. И мне не нужно сидеть целыми днями в кабине за омерзительным столом и лупить одним пальцем по клавиатуре разболтанной машинки, как этому, ну, как его... Любой дрын из забора в моих руках превратится в «бо» – дядя, ты хоть знаешь, что это такое, машинистка ты недоделанная?

Почему я обратилась не к Богу, а к дьяволу – трудно сказать. Возможно, потому, что к Богу взывала перепуганная Сонька, обмотанная бинтами, когда я нашла ее в больнице. Она висела у меня на шее и ревела. А потом пошли рассуждения, все насчет того, как это Бог допускает такую несправедливость. Стало быть, допускает. Стало быть, обратимся в иную инстанцию...

И тут за окном раздался лай. Трижды и очень требовательно пролаял (я потянулась и выглянула) черный пудель.

Я усмехнулась – совпадение! Но пудель поднял голову и наши глаза встретились.

Он вбежал в наш подъезд – позвольте, разве двери открыты? А – замок с кодом?

И сразу же коротко звякнул звонок.

Я быстро вышла в прихожую и отворила.

– Дьявол?

– Да.

– Входите...

* * *

Ну, жила милая поселяночка Жизель, ну, обманул ее избранник, ну, не выдержало сердечко, померла – все там будем. Первое действие «Жизели» меня совершенно не волновало, я и видела-то его всего раза три. Все мы так или иначе попадаем на тот свет.

Надо отдать должное покойнику Жюлю Перро, который все это поставил, – тот свет мне понравился больше, чем этот. Там мелькали блуждающие огоньки и умершие до свадьбы невесты в белом качались на ветках и носились над лужайками. Им было привольно и хорошо. Ночь стала их королевством.

Если это – угаданная правда, я после смерти тоже должна была стать виллисой в белых тюниках, прекрасной и бесстрашной. И я хотела этого – ради нескольких секунд, когда на растерзание невестам достался лесничий Илларион, нечаянно погубивший Жизель. Они заплясали его до смерти, а потом построились, скрестили руки на груди и ровными рядами улетели. Я тоже невеста, которой суждено умереть до свадьбы, и я тоже должна лететь в этом белом облаке, заняв свое место...

* * *

Он вошел и внес с собой тень. Куда бы он ни прошел в неплохо освещенных прихожей и комнате, эта тень двигалась вместе с ним и прятала его лицо.

Но он не был страшен.

Возможно, он просто, сумел передать мне свое спокойствие.

– Насколько я вижу, намерение у вас серьезное, – сказал этот странный, почти безликий не-знаю-кто. Больше всего он был похож на столб дыма, в котором при желании можно разглядеть человеческий силуэт. Но он мне верил – и я ему поверила.

– Серьезное, – подтвердила я.

– И вы хотите заключить договор?

– Да. Хочу.

Он помолчал.

– Присядем, – вдруг предложил он. – Зачем же стоя-то? Как будто едим пирожки на вокзале.

Я так и шлепнулась в кресло. Он опустился плавно, и плащ мрака обвился вокруг его ног – ног?!? – кошачьим хвостом.

– Вам-то не все ли равно – стоять, сидеть? – от растерянности я ударилась в агрессию. – Вы же, простите, бесплотный.

– Мне неприятно, когда женщина вынуждена стоять. Извините, подвержен предрассудкам, – тень колыхнулась, будто разводя руками. – Древнее воспитание, знаете ли... Сентиментальные гувернантки.

– Приступим к делу, – весьма решительно объявила я. – Составим договор. В двух экземплярах.

– Погодите, торопиться в этом деле незачем, – голос был мягкий и даже немного насмешливый. – Обсудим условия. К тому же моя фирма сперва знакомит клиента с образцами услуг, а уж потом заключает с ним договор. Зачем же покупать кота в мешке? Так что вы скажите, что вас интересует, я дам вам возможность совершить тот или иной поступок, и тогда вы сами решите – подходят вам услуги моей фирмы, или лучше обратиться по другому адресу.

– Ваша фирма заметно прогрессировала, – заметила я. – В смысле гуманизма.

– Были рекламации, видите ли, – он как будто пожал плечами. Да, именно «он» – голос был мужской, очень приятного тембра. – Так я вас слушаю.

– Я хочу найти того, кто напал на Соньку Розовскую, Я хочу сделать так, чтобы он больше никогда ни на кого не нападал и ни одному живому существу не причинил вреда, – по-моему, довольно удачно сформулировала я. – Я хочу обезвредить его, какие бы средства мне ни пришлось пустить в ход. Ведь по отношению к нему это будет только справедливо, не так ли?

– Справедливо, – согласился мой туманный бес. – Поэтому к вам и явился я, а не кто-либо другой.

– Вы что же, отвечаете за справедливость в вашей фирме? – изумилась я.

– В каком-то роде да. Я демон справедливости.

– Странно. А я думала, что скорее уж должен существовать ангел справедливости.

Он бесшумно побарабанил пальцами по столешнице.

– Вы нечетко представляете себе двойственность мира. Конечно же, ангел справедливости есть (он вздохнул), но и демон – вот, перед вами. Есть ангел пылкой страсти и демон пылкой страсти, ангел чистоты и демон чистоты, ангел спокойствия и демон спокойствия. Много таких пар... Да...

– А чем же ангел справедливости отличается от демона справедливости? – резонно поинтересовалась я. – Справедливость-то одна и та же!

– Это как Рим, к которому можно подойти по всем дорогам. Ангел справедливости сражается силой света. Демон допускает хитрость и насилие.

Результат один. Но ангел безгрешен, а демон, и те, кто с ним, – грешны. Возможно, когда-нибудь ангел простит демона, и в этом будет высшая справедливость. А возможно, и нет.

– Сложная у вас система, – сказала я.

– Черт ногу сломит, – согласился он. – Так, значит, вы хотите все сделать сами? С малым вмешательством фирмы?

– Да, – не совсем уверенно сказала я. – Кажется, я действительно хочу сделать все сама. Не знаю, почему. Наверно, если бы я заказала его окровавленный труп и сложа руки ждала, пока дьяволы его сюда притащат, тоже было бы неплохо. Но это было бы не совсем справедливо... Ну, в общем, я не привыкла загребать жар чужими руками.

– Нет, просто для вас важно ощущение свободы выбора. Окровавленный труп – он труп и есть, он однозначен, – объяснил демон. – А вам нужна победа другого рода. Вам нужна победа справедливости, а это не равнозначно каре и непременно каре. Вы должны узнать, что заставило его совершить преступление, и тогда уже судить, так?

– Мне бы еще с одним человеком, вернее, бездельником разобраться, – попросила я, вспомнив, как следователь выпроваживал меня из кабинета.

– Хорошо.

Туманная рука забралась под плащ и выдернула, иначе это движение не назовешь, перо – возможно, из черного крыла.

– Авторучкой нельзя? – спросила я, вставая, чтобы принести бумагу. – У меня и чернил-то нет.

– Чернила и не понадобятся.

– Кровь?

– Ох, дались вам эти побрякушки и вытребеньки! Потерпите четыре секунды и все узнаете.

Из-под плаща появилась банка литра этак на полтора, наверно, на три четверти полная какой-то желтой дряни. Крышка отскочила, и запахло жареным луком.

– Не удивляйтесь, народные средства – самые надежные, – перо нырнуло в банку и мазнуло по моему правому глазу, я даже не успела зажмуриться.

– Теперь левый. Ну? Вот так!

Сперва в глазах плавали пестрые облака со звездочками. Потом они растаяли.

Я на всякий случай протерла глаза.

Комната была прежней, но я отчетливо видела каждую точку на обоях в противоположном углу. Чуть напрягшись, я разглядела заголовок в газете, наклеенной под обоями, и фотографию под ним. Сквозь газету я видела неровную серую стену.

– Догадались? – спросил демон, и я подняла на него глаза.

У него была кожа серого, чуть лилового цвета, с легким перламутровым блеском, правильное лицо, шапка густых и жестких кудрей. Возможно, в них прятались рожки. Глубокие задумчивые глаза были удивительно хороши, я загляделась.

Хотя мне вредно заглядываться в такие глаза. Все равно из этого ничего хорошего не получалось и уже не получится.

Такая моя судьба.

– Шабаш во вторник вечером, – деловито предупредил демон. – Перышко приведет.

И положил на стол черное перо, вымазанное желтой ведьмовской мазью.

– Удачи! – коротко простился он. – Посмотрим, сумеете ли вы воспользоваться нашими возможностями. А потом уж и будем решать вопрос о продаже души.

Тень сгустилась вокруг него. Он опять обратился в столб черного дыма и втянулся в щель на потолке.

Я осталась одна.

На темной полировке журнального столика тусклым пятном выделялось черное перо. Мазь на нем как-то мгновенно выцвела.

Что касается порядка в доме, я страшная зануда. Всякая вещь у меня знает свое место. И никогда еще перья на столах не валялись. Хотя... Было дело. В ранней юности. На берегу пруда чистились и охорашивались лебеди. Я осторожно подошла к ним и набрала целую горсть махоньких пушистых перышек. От подружки-балерины я знала, что их не берет никакая краска. То есть – белизна в наивысшем своем проявлении. Ей я потом и отдала эти перья – обшить «лебединую» пачку.

В детстве я страшно хотела танцевать и только танцевать. Но в хореографическое училище меня не приняли. Тогда я впервые обнаружила, что людям не нравится мое лицо.

Первая тренировка у меня в семь двадцать утра.

Это для тех, кому к девяти на работу. После работы им нужно бежать по магазинам, а встать на час раньше они еще со скрипом соглашаются. Правда, это всего два раза в неделю.

У меня всегда все приготовлено заранее. Сумка с магнитофоном, купальником, резиновым поясом, лосинами, импортными кедами на толстой подошве всегда стоит на полке у дверей, и все в ней всегда свежее – запасные носочки, полотенчик, гимнастический купальник. Недавно я связала себе и полоску на лоб. Не люблю долго сидеть на одном месте, а то бы и гетры связала. Я считаю, что тренер должен служить недостижимым идеалом. Какой-то дурак написал в популярной брошюре про аэробику, что одеваться надо, чтобы одежда не стесняла и вообще была хлопчатобумажная. С точки зрения высокой науки, возможно, это правильно. Но я – практик, и я за десять лет сделала кое-какие выводы.

Я шла на остановку троллейбуса и мысленно повторяла тезисы своей сегодняшней речи перед новенькими.

Костюм должен обтягивать, иначе я не пойму, правильно выполняется движение или нет, до конца вытягиваются ручки-ножки или кое-как. Резиновый пояс. Без него не допущу. У женщины должна быть талия. А пропотеешь под этим поясом до темных пятен на купальнике – и талия на нужном месте образуется. Тем и хороша обруганная синтетика... Да. Обувь. Только на толстой резиновой подошве. Потому что придется много прыгать. И меньше риска поскользнуться. Волосы – убрать! Чтобы не приглаживать их каждую минуту. Косметику – убрать. Это во мне не старая дева вопит. Я должна видеть, если кто-то из моих бегемотиц вдруг резко побледнеет или там губы посинеют. Обтягивающий костюм. Пояс. Обувь. Волосы. Косметика. Кажется, все...

Новенькие, а было их в это утро человек восемь, обрадовали меня чрезвычайно – пришли в тех жутковатых тренировочных черных костюмах, какие наша промышленность гонит для школьников. Они решили, что так будут выглядеть стройнее. Не выношу! Своими бы руками изодрала в клочки!

Я построила свою пузатую и грудастую команду, включила магнитофон и сунула кассету на перемотку.

– В следующий раз просьба одеться ярко и нарядно, – сурово сказала я. На мне самой сейчас малиновые лосины, белый с малиновым купальник, белые носочки и белые же кеды – пусть любят. – От черного цвета снижается мышечный тонус.

Возможно, это и враки. Но на девочек действует – услышав про мышечный тонус, они действительно приходят в светлом.

Прошпарив тронную речь, я включила магнитофон и выдернула из рядов Владку. Поставила ее вместо себя показывать упражнения и запустила тренировку.

Это очень важно – чтобы с самого начала кто-то ткнул тебя в пузо – подтяни пузо! – или шлепнул по загривку – распрямись! Я ходила между рядов, тыкала, шлепала, выламывала неуклюжие руки, выгибала окаменевшие спины. Но когда наступил танцевальный фрагмент, вышла вперед.

Я выбрала эту профессию, чтобы безнаказанно танцевать.

Здесь всем было безразлично, какое у меня лицо – здесь знают, что лицо любой степени красоты можно нарисовать за час. Здесь любовались моими стройными бедрами, осиной талией, подтянутой грудью. Хотя поставить меня рядом с настоящей танцовщицей – и сразу станет ясно, что мне нужно согнать лишних два сантиметра и с талии, и с бедер. Но это еще поправимо, а вот замучавшая меня корявая линия – от талии до верхней части бедра – так при мне навеки и останется. И «иксатые» руки тоже.

Но моим бегемотицам не до тонкостей. Я самозабвенно пляшу тарантеллу, и они пытаются подражать. Сейчас я для них звезда экстра-класса. Возможно, еще и потому, что я пляшу с огромным удовольствием, и они это видят. Мне же на них лучше пока не смотреть... А то получится кривое зеркало – когда сплюснутая, разъехавшаяся во все стороны толстуха усердно копирует каждое твоё движение, да еще корчит при этом рожи.

После тренировки я еще раз повторила все свои наставления, оставила Владку, а остальных отпустила.

Зальчик был в нашем распоряжении еще с полчаса. Я уже вторую неделю разрабатывала новый комплекс, Влада – лицо, приближенное к тренеру! – ассистировала. Мы попробовали, как ложатся на музыку движения «в партере». Я-то могу размахивать ногами с любой заказанной скоростью. Влада поплотнее, мне в работе надо ориентироваться на таких, как она.

Оказалось, действительно – рядовая советская женщина, даже прозанимавшаяся аэробикой более года, в этот темп не укладывается. Приятная новость... А я полжизни потратила, пока нашла эту музыку и переписала ее! Непруха... Опять чье-то прилудное словечко. Сколько можно? Почему они ко мне так все липнут?

Я хотела спросить Владу, который час, но сквозь голубой рукав ее купальника увидела циферблат. Наше время истекло. А увидела я его, потому что напряглась. Во все время тренировки никто не просвечивал. И Владиных часов я не замечала.

Сейчас полагалось бы пойти и позавтракать. Перед утренней тренировкой я не ем, она для меня вроде зарядки.

Раньше все было просто – забежала в кафешку и съела себе салатик, безмятежно выпила кофейку. Но как быть начинающей ведьме, которая в горке салата на блюдечке ясно видит кусочки порченной колбасы и длинный пергидролевый волос поварихи?

Пришлось идти в дорогое кафе через дорогу, там повкуснее и поаккуратнее. Я подумала, что дымчатый демон нанес удар по моему бюджету, и надо это горе оговорить в договоре.

Затем я рванула в школу к Соне.

Она знала, что я собиралась в милицию со своими никому не нужными показаниями. Она еще вчера вечером, очевидно, ждала меня.

Я нашла ее в лаборантской химкабинета, который нужно было законсервировать на лето.

– Про Генку не спрашивали? – был ее первый вопрос. Мне захотелось выругаться. Хотя я это делаю крайне редко. Но Сонька со своим Генкой может довести!

Она и перед походом к следователю полчаса умоляла меня – ни слова о Генке! Он же семейный, не дай Бог, начнут его тормозить, дойдет до жены! По-моему, в этих причитаниях было какое-то неосознанное, подсознательное хвастовство – мол, у меня, такого заморыша, есть любовник, пусть и женатый, а у тебя нет и не предвидится. Ну, нет так нет, я же из-за этого не страдаю, как маялась ты, пока не возник Генка.

– Спрашивали, – естественно, ответила я. – Ты уж прости, пришлось сказать правду. Что живет в Сибири, в академгородке, и приезжает примерно четыре раза в год, когда вызывают на симпозиум или научную конференцию. Они послали бригаду с ищейкой проверять его алиби. Мало ли какие у него причины ночью тебя придушить. Может, ты ему наследство собиралась оставить.

Со мной бывает, что неудачно шучу. Соня помолчала и вздохнула. С другой стороны, она меня вынудила на такую неприятную шутку. Черт ее разберет, возможно, она действительно любит этого гастролера. Мне такого не понять...

Во всяком случае, когда я нашла ее в больнице, и она рыдала у меня на плече, то меньше всего она беспокоилась о матери и отчине – ее волновало, как бы не подумали на Генку! А какой он, к бесу, Генка? Ему сорок шесть лет, между прочим, и старшая дочь недавно внука ему родила. А Соньке всего-то двадцать девять. Не понимаю, хоть тресни.

Я люблю Соньку. Только не умею говорить приятные вещи. Скорее всего, и не научусь.

То, что я на тренировках зову здоровенных бегемотиц милыми девочками и предлагаю им то поднять выше ручки, то следить за ножками, еще ничего не доказывает. Это – профессиональное. Не могу же я вслух звать их жирными хавроньями. Но, честно говоря, мне было бы так легче, потому что на меня резкий и язвительный окрик действует лучше комплимента. Я мгновенно собираюсь и делаю решающий рывок, как правило, удачный. А с Сонькой так нельзя. И со многими нельзя. И это иногда удивляет, а иногда действует на нервы.

Когда Сонька пришла ко мне тренироваться, она мне целую сцену закатила – почему я требую от нее невозможного! Она никогда не занималась, у нее отсутствует координация, и я должна относиться к этому несчастью с уважением. А именно – так, видимо, понимала Сонька уважение – упрощать программу применительно к ее возможностям. Чтобы не она была хуже всей группы, а вся группа примитивно топталась на ее уровне. Я, недолго думая, вернула ей уплаченные за пять месяцев вперед деньги. Она растерялась, деньги брать отказалась, пропустила неделю, а потом пришла и забилась в угол. Как она там маялась не в такт и не в лад – описать невозможно! Однако приспособилась. Потом мы вообще подружились.

И вот теперь Сонька знает, что от меня соплей не дождешься, и тем не менее рассказывает мне про Генку и даже рыдает на плече, если случается какая-то ерунда.

– Они что-нибудь узнали? Ну, про этого?.. – с надеждой спросила Соня.

– Похоже, что нет. Это не так-то просто. В лицо ты его не видела. Во что был одет – не разглядела. Голос – поди разбери, если он почти шепотом говорил. А что сильный – так тебя и заяц повалит. Понимаешь, примет-то нет. Ищут, конечно. У них там свои каналы, – соврала я.

– Это был маньяк, – уверенно объявила Соня. – Нормальный мужик не стал бы сразу душить. Да еще приговаривать: «Ну, тихо, тихо, я тебе еще ничего не сделал!» Маньяк, честное слово! Подумать только, он же так и бродит по ночам! Может, он на другом конце города кого-то действительно придушил, потому что его сразу не поймали?

– Погоди, погоди, – сказала я. – Ты его точно передразнила? Вот именно так он и сказал? Вот с такими интонациями?

– Да-а... а что?

– Понимаешь, Сонь, так в кино уголовники говорят. С презрением. Может, ты просто его художественно изображаешь?

– Нет, он действительно именно так говорил.

– Нам только уголовного не доставало. Даже удивительно, как ты смогла вырваться.

– Знаешь, я все время об этом думала, – призналась Соня. – И вот что получается. Когда он схватил меня за волосы и стал бить головой о стенку, я, наверное, на секунду потеряла сознание и стала падать. А он зажал меня, ну, почти прижал к стене, и я не шлепнулась. Понимаешь, я вдруг почувствовала, что почти сижу на корточках. Он, наверно, думал, что я сейчас растянусь, а я вскочила – и в дверь. Как пробежала подворотню – даже не помню. Наверно, со мной действительно был обморок.

– А вообще ты дешево отделалась, – сказала я. – Могло быть хуже.

– Дешево! – обиделась Соня и потрогала голову – там, где под волосами заживали шрамы и шишки. – Хотя... Ой, ты же еще не знаешь! Моя сумка нашлась! Ну, которую я выронила, когда он меня душить начал!

– Как – нашлась? Где – нашлась?

– Во дворе! Сегодня сосед, Трифонов, в сарай лазил. А там между крышей сарая и стенкой здоровая щель.

– Какой еще стенкой?

– Ну, он к брандмауэру впритык стоит, наш сарай, у него задняя стенка поэтому не деревянная, а каменная. И, представь себе, Трифонов у себя в сарае мою сумку нашел! И все на месте. Книги, косметичка. Только шоколадка пропала. И блокнот с телефонами цел.

– Ты хочешь сказать, – медленно начала я, – что этот твой маньяк закинул сумку на крышу сарая, а она провалилась вовнутрь? Так, что ли?

– Откуда я знаю, кто ее закинул? – удивилась Соня. – Может, мальчишки? Скорее всего, мальчишки.

– Мальчишки бы растрепушили, – уверенно сказала я. – И, возможно, конфисковали книги. Там же у тебя фантастика, небось, была?

– Одна фантастика и один детектив, знаешь, эта тоненькая серия. Нет, только шоколадка пропала.

– Вообще тебе опять повезло. Представляешь, что было бы, если бы пропали ключи?

Я имела в виду, что у Соньки не дверь, а крепостные ворота. Она выходит в тупичок и с разгону ее не вышибешь, ногой тоже, размахнуться негде. Запирается на два доисторических ключа и один современный – так уж береглась проживавшая здесь бабка. Словом, эта комната с частичными удобствами в сущности – неприступный бастион.

– А с чего бы им пропадать? – удивилась Соня.

– Ну, они же в сумке были?

– Нет, в кармане, вместе с кошельком. Чтобы не шарить впотьмах по всей сумке.

Тут мы стали разбираться – как так вышло, что я впервые об этом слышу. И оказалось, что Сонька, которая из больницы направилась жить к матери, только позавчера перебралась к себе, и мне просто в голову не пришло спросить – а ключи-то целы?

– Шоколадка, говоришь, пропала?

Значит, в сумке копались. Прямо во дворе, при лунном свете. А потом сумку вместе с содержимым со зла зашвырнули на крышу сарая – мол, снимай ее оттуда, как знаешь. И что же мог сексуальный маньяк искать в сумочке у химички? Спиртовку из кабинета – спирт выдуть? Или пузырек фенолфталеина – он же пурген?

– Интересно девки пляшут, по четыре сразу в ряд... – пробормотала я. Действительно, интересно пляшут сексуальные маньяки... Уж не в ключах ли тут дело?

И тут я поняла, что нужно немедленно пойти и осмотреть окрестности. Пожалуй, с моим новым дьявольским зрением я там увижу побольше, чем в прошлый раз. И уж во всяком случае, буду искать следы там, где они действительно есть, – в отличие от милицейского растяпы.

Раз уж я собралась продавать душу дьяволу за право вести это следствие, то пора бы и начать.

* * *

Наверное, на самом деле я танцую плохо. Я знаю все свои недостатки – жесткий прыжок, деревянные руки, маленький шаг. И прочая, и прочая. Подружка-балерина по моей суровой просьбе перечислила их все на одном дыхании. Правда, некоторое время спустя она перестала быть моей подружкой. Но недостатки остались при мне. И я так люблю танцевать, что это все уже неважно. Лишь бы зал был без зеркала. Если вдруг увидишь себя, корявую, это как обухом по лбу.

Зато я знаю про себя кое-что странное. Когда я встаю в арабеск, отвожу правую ногу назад и вверх до упора, разворачиваю колено, чтобы не висело, и вытягиваю его в струнку, выгибаю спину, откидываю плечи – ну, делаю все то, что балерина, танцующая Жизель, – то вдруг перестаю чувствовать под собой опорную ногу. Ее нет. Есть два крыла, есть что-то вроде птичьего хвоста-руля за спиной, есть ветер в глаза и в напрягшуюся грудь. Я чувствую, как он относит со лба несколько заблудившихся и не попавших в узел волосков.

Вот точно так же движутся в арабеске навстречу друг другу белые ведьмы в наивных веночках. Они продвигаются вперед маленькими прыжками, все, как одна. Это называется «прядающий арабеск». Когда я смотрю на них с балкона, а я люблю танцы виллис смотреть именно сверху, мне делается жутко. Словно пустилось в полет большое белое облако, взяло разгон и неумолимо идет над ночным миром, готовое разразиться молниями. Белое грозное облако.

* * *

Этот дом на Киевской построили лет сто назад и потом несколько раз перестраивали. Сперва после первой мировой, когда он пострадал от бомбежки, потом после второй мировой. Его архитектор, наверно, в гробу переворачивается – так бедное здание изуродовали. Там, в конце концов, сперва превратив огромные квартиры в коммуналки, стали из каждой комнаты делать отдельную квартиру, со своим входом, кухней и туалетом. География получилась совершенно безумная!

В такую комнату несколько месяцев назад вселилась Соня. Она называет это «квартирой», а я полагаю, что квартира – то, где есть ванная или хотя бы душ, а туалет примыкает к ним непосредственно, а не находится на пол-этажа ниже, запертый на замок, и не дай Бог потерять ключ!

Я и представить не могла, как тут жила немощная бабка, как она затаскивала сюда дрова из сарая, как ночью брела в этот невообразимый туалет. Еще я не понимала, что бабка делала, когда перегорала лампочка в люстре. Потолки тут, как во Дворце спорта. Если бы мне пришлось в наказание за свои грехи жить в этой «квартире», я бы соорудила второй этаж и увеличила свою жилплощадь вдвое.

До тренировки оставалось ровно столько времени, чтобы медленно и спокойно пройти тем путем, что и Соня в ту ночь, а затем повторить путь того мерзавца, той сволочи – если получится, конечно.

Вглядевшись, я нашла кровавый след, которого не заметил милицейский деятель, хотя это нужно было умудриться – ночью он был совсем свеж и ярок. Невооруженным взглядом я бы его сейчас ни за что не разглядела, но в том-то и дело, что дымчатый дьявол вооружил мой взгляд. Я отчетливо видела контуры подошвы и каблука.

Кроме всего прочего, у меня в сумке постоянно валяется сантиметровая лента. Раз в месяц я измеряю своих бегемотиц по всем параметрам – грудь, талия (если удастся отыскать) и бедра. Надо видеть, как они поджимают животы! Эти жуткие цифры я с недовольным видом записываю в особую тетрадочку, и это на них действует умопомрачительно – две-три ближайšie тренировки группа приходит в полном составе и трудится на совесть.

Я старательно измерила след, чтобы потом выяснить размер. Возможно, это пригодилось бы.

Покрутившись, я нашла второй отпечаток – точнее, контур отпечатка. Это была тонюсенькая ниточка, испускавшая теплое свечение. Может, я даже и не глазами нашла ее, а какими-то неведомыми чувствами. След почти касался порога. Третий контур был уже за порогом. И я поняла, что теперь не собоюсь.

Вернувшись на то место под лестницей, где этот маньяк душил Соню, я принялась искать другие следы – ведущие не из подъезда в подворотню, а наоборот. Я хотела понять, откуда же он появился. Но других следов не было. Я задумалась – и вдруг поняла, в чем дело. Светящийся контур давала кровь. Сониная кровь. Это она ждала, пока явится кто-то с дьявольским зрением и с желанием узнать правду.

И я пошла туда, куда звала меня эта впившаяся мертвой хваткой в подошвы кроссовок кровь. И я думала о том, что за сотни лет вся земля покрылась цепочками таких светящихся следов, и их свечение не гаснет, как будто мертвые все еще надеются – придет кто-то, решивший распутать эти цепочки и пройти по каждой до конца, сколько бы она ни тянулась.

Именно тогда мне впервые пришло в голову, что кровь в наших артериях и венах, возможно, по-своему разумна, и не исключено, что она ощущает себя живым существом.

След провел меня наискосок через двор. По длине шага я поняла, что этот человек бежал. Другого и ожидать было нельзя – человек, нападающий исподтишка на женщину, трус. На мужчину напасть он боится. А маленькая Сонька – это как раз добыча по плечу. С ней и мальчишка справится.

След нырнул в такую же низенькую подслеповатую дверь, как та, что выходила из Сониного подъезда в подворотню. Я нырнула следом и вышла на улицу. Тут контур потерял ясность – все-таки прошло немало времени и Бог весть сколько человек пронесли над ним, растирая и размазывая его по асфальту. Я шла уже не столько по реальному следу, сколько по его продолжению, полагаясь, скорее всего, на интуицию. И вот я оказалась возле одноэтажного домика.

Это было частное владение. Входная дверь запиралась на ключ. Больше в радиусе двадцати шагов контур не прослеживался. Значит, тот человек ночью скрылся именно здесь. Жил он здесь, что ли? А если нет – почему его ночью сюдапустили?

Я обошла весь квартал. Я обнаружила за домом небольшой садик, старательно огороженный. Я стала соображать и вычислила примерную площадь дома. Скорее всего, здесь жили две семьи. – Я напрягла зрение – и увидела сквозь одну из оконных занавесок женщину, кормившую грудного ребенка.

Должно быть, мой ночной гость пожалел своей волшебной мази, а, может, ее действие стало ослабевать. Я не могла ничего разглядеть сквозь стенку, даже занавеска во втором окне вдруг обрела плотность. Третье выходившее на улицу окно оказалось пустым – интерьер комнаты был совершенно безликий, мебель пятидесятых годов да цветной телевизор. Разве что кавардак на столе наводил на мысли о ночной пьянке и, возможно, драке. Среди рыбьих ске-

летов на тарелках валялись два окровавленных носовых платка. Но, в конце концов, можно порезаться и случайно.

Я сделала круг, зашла со стороны двора. Расстояние между мной и окнами увеличилось втрое.

И тут я явственно услышала, как громко и часто забилося мое сердце. Не глазами, не ушами – я кровью ощутила присутствие того, кого ищу. Он был в доме, за одной из бело-голубых клетчатых занавесок, надо думать – кухонных. Я сжала кулаки – и увидела его силуэт. Он курил, и сейчас как раз прикуривал новую сигарету от угасающей. На его левой руке сквозь рукав светились почти зажившие шрамы – уже даже не шрамы, а несколько белых ниточек на смуглой коже. Так бывает первое время после того, как отвалится струп.

Я не видела лица, не видела вообще ничего, кроме этих ниточек. Даже его профиль казался мне расплывчатым – так я сосредоточилась на шрамах от Сониных ногтей.

А потом я подняла вздрагивающие от напряжения глаза чуть выше – и увидела пониже плеча татуировку. Она была до того нелепа, что в другое время и в другой ситуации я бы расхохоталась.

Руку этого типа украшал не более не менее как кот в сапогах. Котяра топал на задних лапах от груди к спине, перекинув за спину узелок с имуществом. Я отчетливо видела даже его усы, шпоры на сапогах и полосы на хвосте. Но лица человека я не могла разглядеть.

* * *

Когда виллисы вышли из могил и порезвились вокруг кладбища, повелительница Мирта собрала их, чтобы вызвать из гроба и превратить в виллису новенькую – Жизель. Мирта взмахнула волшебной миртовой веткой – и из-под холмика выросла Жизель со скрещенными на груди руками и таким лицом, какое бывает только у гипсовой статуи. Но Мирта сделала знак, Жизель воспряла – и завертелась в бешеном арабеске. Смерть была освобождением от жизни, а это стремительное вращение было освобождением от смерти и началом вечного танца.

Вот о чем я мечтала всю жизнь. Что в муках усну, отрешенно проснусь, глаза мои распахнутся навстречу свету, по телу пробежит сладостная волна, оно само и с радостью примет позу полета – и я буду танцевать долго, долго и самозабвенно – пока не кончится вечность.

* * *

За несколько дней я побывала у этого дома раз пятнадцать. Я уже знала, когда вывозят гулять малыша, кто занимает квартиру, выходящую окнами на улицу, какого цвета у женщин белье, что здесь едят на обед. Знала я и то, что «мой» человек находится в довольно трудных отношениях с хозяином дома, что тот его терпит, но никогда не выгонит.

У меня хорошая память на лица, это – профессиональное. Я помню всех своих коровиц по крайней мере лет за пять, а их сменилось во всех группах не меньше трехсот человек. И обитателей дома я тоже запомнила моментально. Всех, кроме одного. Хуже того – я смотрела изо всех сил, но не видела его лица. В упор не видела и не могла вспомнить ни единой черты.

Со мной такое, или примерно такое, уже было однажды. Мне нахамили, я дала здоровую оплеуху. Но лица того хама я не видела в момент удара и совершенно не помню. Я видела ошалелую рожу приятеля, стоявшего у него за спиной. Вот эту рожу я запомнила отлично! До сих пор, когда вспоминаю, весело делается.

Но я этого человека чувствовала кожей и кровью. За двадцать шагов чуяла. По коже пробегал холодок, и кровь толкала меня изнутри, как будто ей во мне было тесно. Мне вовсе незачем было разглядывать его физиономию.

Но вот прошли эти несколько дней дилетантского шпионажа, и я задумалась – а что дальше? Я хотела жестоко отомстить этому человеку... нет, не то, я хотела оградить от него на будущее и Соньку, и вообще всех женщин, которые могут ему подвернуться в нехорошую минуту под руку... нет, и отомстить тоже. За то, что я в перерывах между тренировками трачу время на эту сволочь. Разве мое жизненное предназначение – в том, чтобы охотиться на сволочей? Оно – в том, чтобы делать моих бегемотиц стройными сернами. Самое что ни на есть женское предназначение, которым я, если по правде, горжусь. А из-за этого мерзавца я, возможно, обкрадываю бегемотиц, обделяю их своим вниманием, а они, между прочим, за тренировки деньги платят и искренне мне верят. Так что – все-таки месть.

Мечь, но – как? Дымчатый бес снабдил меня пронизывающим стены взглядом, но ничего больше не дал. Ну, я убедилась в могуществе его фирмы, дальше что? Он обещал мне, что я смогу совершить поступок. А какой, простите, поступок? Я, между прочим, хочу быть уверена в том, что поступок получится справедливый и кара будет соразмерна деянию. Для этого нужно выяснить, с кем я имею дело. Маньяк он, что ли? Но если так, то у меня темное понятие о маньяках. Он мирно обедает с соседями и тетешкает младенца. Он азартно рубится в домино с хозяином дома. Конечно, я могу засесть за специальную медицинскую литературу. Но «фирма» могла бы мне сообщить эти сведения и так. Почему же бес не появляется? Ведь он же понимает, что я зашла в тупик. Ведь он же наверняка следит за мной и видит, что мне неоткуда взять информацию! А шандарахнуть эту сволочь кирпичом по затылку – не моя методика. Унижаться до уровня сволочей я не буду. Хотя был момент, когда с радостью унизилась бы! Как раз накануне явления черного пуделя под моим окном.

И тут я вспомнила про перышко и про вторник.

Шабаш – во вторник.

Перышко приведет.

Придя домой, я достала его из секретера и положила посреди стола. И что же дальше? Ждать полуночи? Раздеваться догола? Ведь в таком, кажется, виде положено являться на шабаш?

Я не люблю смотреть на себя голую. Опять же, это не старая дева во мне кудачет. Я давно уже не дева. Просто голая я раза в два толще, чем одетая. И это раздражает. Чем объясняется такой оптический эффект, сказать не берусь. И поэтому даже в раздевалке нашей душевой я стараюсь не смотреть в зеркало, чтобы не расстраиваться.

Поэтому я и задумалась – как быть с парадным туалетом? Наконец нашла компромиссный вариант. У меня есть бирюзовый тренировочный комбинезон из бифлекса, он обтягивает и ноги, и талию, и грудь, так что я чувствую себя в нем не хуже голой, только куда эстетичнее. Руки и спина все-таки обнажены, и придется прочим ведьмам смириться с моим видом. Это все, на что они могут рассчитывать.

С волосами тоже возникла проблема. Ведьмы лохматые. А я закручиваю высоко на затылке узел. Привычка молодости, позаимствованная у знакомых балерин. Не терплю лохматости. Даже на ночь заплетаю косу и завязываю конец ленточкой, чтобы не расплелась. Поразмыслив, я все-таки сделала узел. Если уж очень припечет – так и быть, распушу.

Натянув комбинезон, я села и стала смотреть на перышко. За окном понемногу стемнело. И тогда оно шелохнулось. По комнате словно ветер пролетел. Перышко вспорхнуло и вылетело в прихожую. Там оно легло на пороге.

Я ожидала всего на свете – явления верхового козла, запряженной драконами колесницы, разверзшегося потолка, – только не того, что на шабаш придется идти пешком. Пришлось накинуть поверх комбинезона самое длинное из моих платьев и открыть дверь. Перышко вылетело на лестницу.

От современных бесов, видимо, можно было ожидать любой нелепости. Я взяла сумочку – вполне возможно, что они заставили бы меня ехать на шабаш трамваем или троллейбусом. И пошла за перепархивавшим по ступенькам черным перышком.

Идти оказалось недалеко. Перышко привело в трехэтажный облупленный дом, на первом этаже которого были химчистка и прачечная. Я перепугалась – шабаш в химчистке? Оказалось, нет. Перышко влетело в парадное и вознеслось на второй этаж. Там оно легло на коврик перед дверью. Мне оставалось только позвонить.

Должно быть, для советской женщины «шабаш» и «группен-секс» – синонимы. Честное слово, я ожидала увидеть толпу голых людей, занимающуюся любовью вповалку, на диванах и под столами. Но дверь мне открыла почтенная седая дама в закрытом нарядном платье. Волосы были тщательно уложены, лицо аккуратно подкрашено, словом – вид самый достойный. На ногах у нее были элегантные старомодные лодочки с бантами.

– Добро пожаловать к нам на шабаш! – сказала дама и провела меня в просторную комнату.

Посреди этой комнаты стоял круглый стол. А за столом сидели шесть женщин разного возраста, но все одинаково элегантные, кроме одной бабуся попроще. Они пили чай из нарядных чашек, посреди стола чуть ли не светился домашней выпечки роскошный торт с разноцветными розами. По хрустальным блюдам были разложены пирожные и пряники. Я огляделась – ни одного мужчины. Мне стало неловко за мое платье и выглядывавшие из-под его подола штанины комбинезона.

Перышко тоже просочилось в комнату, вспорхнуло и улеглось у меня на груди. Тут я заметила, что и другие женщины украшены такими же черными перышками.

– Садитесь, – предложила хозяйка, – и будем знакомиться. Меня зовут Анна Анатольевна. Можно просто Анна, мы здесь обходимся обычно без отчества.

– Жанна, – коротко сказала я, соображая – неужели все они подписали договор с туманным бесом?

– Клавдия, – улыбнулась, отодвигая для меня стул, самая молодая из женщин. И тут я поняла, что это была первая улыбка за все то время, что я изучала комнату и участниц шабаша.

– Евгения.

– Галина.

– Нина.

– Рената.

– Баба Стася, – бабуся развела маленькие темные ладошки, как бы недоумевая, – надо же, состарилась, внуки бабой прозвали, привыкла...

Я села за стол. Тут оказалось, что о моем приходе знали заранее – поставили на стол чашку с блюдцем, ее даже не пришлось искать – она стояла напротив пустого, ожидавшего меня стула. Мне налили чаю, подвинули печенье, положили кусок торта. Вообще я таких жирных вещей не ем, но тут из вежливости расковыряла.

– А помнишь, баба Стася, какой ты пирог испекла с ливером? – спросила Евгения, сухая блондинка лет пятидесяти.

– Это о прошлом годе было, – подумав, вспомнила старушка, – когда ты наладилась тво-
рожные печенюшки печь. Жаль, я таких не ем, что за выдумка такая – печенье с перцем печь!

– С перцем Нина пекла, – вмешалась Рената, – и не из творога, а из сыра. А у Жени были творожные с лимонной корочкой, как цветочки и бабочки.

И они завели серьезный разговор о формочках для печенья, о муке и о ванилине. Я сидела, молчала, никак не могла понять, что же такое здесь происходит, а когда взглянула на часы, то обнаружила, что эти странные ведьмы уже полчаса говорят о кондитерских делах.

И когда Анна Анатольевна пошла на кухню ставить чайник, я, естественно, выскочила за ней следом.

Она неторопливо налила воду, зажгла газ, поставила чайник на огонь и повернулась ко мне. Взгляд у нее был внимательный и грустный.

– Я ничего не понимаю, – наконец сказала я. – Странный какой-то шабаш.

– А каким же ему быть?

Я пожала плечами. Ну, не таким же, в самом деле, как посиделки одиноких женщин, для которых это, может, единственный повод принарядиться!

– Обычный шабаш ведьм, которые получили то, чего хотели, и теперь мирно ждут срока расплаты, – спокойно сказала Анна Анатольевна. – Получишь то, что вписано в твой договор, и тоже будешь спокойно ждать срока. Так что привыкай.

– Вы... подписали?

– Да.

– И что же вы получили? Простите... но если можно...

– Можно. Мужа от тюрьмы спасла. Хозяйственник он у меня был. Ну, наворотил дел с лучшими намерениями. Загребли...

Анна Анатольевна помолчала.

– А вы? – осторожно спросила я.

– Что – я? Металась, конечно, душу дьяволу собиралась продавать, лишь бы его спасти. Срок-то грозил – дай Боже. Ну, дьявол и явился.

– Этот, туманный?

– Ну да, Зелиал. Предупредил – если хочешь справедливости, так чтобы никакой для себя пользы ты от этой справедливости не ждала. Иначе это будет не справедливость, а совсем другое. А я знала, что мужа подставили, что он разве что в мелочах виноват. Помог он мне мужа вызволить, все вышло по справедливости... Да только муж-то потом к молодой женщине жить ушел. Развода между нами не было, а живет у нее... Ну, хорошо хоть, не за решеткой.

Анна Анатольевна достала из холодильника форму с кремом и опрокинула ее на тарелку. Потом неторопливо отворила шкафчик, выбрала из многих бутылок с непонятными наклейками одну пузатую и полила из нее крем густым желтоватым сиропом.

– Это ликер, – ответила она на мой взгляд. – Сама мастерю. Скажу без скромности – язык проглотите.

Ее ровная речь, без единого всплеска, без улыбки и печали в голосе испугала меня вот чем – ведь если этот Зелиал исполнит мою просьбу, я получу то, чего хочу, то именно так буду ждать срока расплаты! Без эмоций. Без сожалений. Вообще без ничего?

– А он будет? – спросила я, имея в виду Зелиала.

– Он здесь уже не бывает.

– Почему?

– А зачем?

Безнадежно стало мне и беспросветно. Это было мое будущее – пожилая ухоженная одинокая дама, к которой даже купивший ее душу бес – и тот больше не является. И только раз в неделю собираются подруги по судьбе – поговорить ровными голосами про песочное тесто и зефир в шоколаде.

– Он мне нужен, – сказала я. – Он велел мне быть во вторник на шабаше, вот я пришла, а его нет. Как мне его теперь найти?

– Ну, этого никто не знает, – ответила она. – Нужно будет – сам появится. Видно, считает, что еще рано. Но раз он велел прийти, значит, мы сами можем помочь. Мы ведь тоже кое-что умеем.

– Он научил?

– Кто же еще! Баба Стася птицей перекидывается. Галина приворотное зелье может сварить, заговор на присушку и отсушку знает. Рената по лицу мастерица, лицо меняет. Женя глаза отводит. Кажется, только что рядом стояла, а вместо нее пятно на обоях мерещится. Или

слово слышишь – как будто кто-то другой сказал, кто сейчас вообще за тридевять земель. А это она. Или идет, а тебе кажется, будто это собака идет. Она однажды меня до полусмерти перепугала. Так если что нужно – научим. Это мы охотно.

Я задумалась. Что из этих умений могло бы мне пригодиться? Приворотное зелье было вроде ни к чему. Отводить глаза? Скорее всего, именно это. Менять лицо? Только вот кому – себе самой, что ли?

– Ну как? Решили? – спросила Анна Анатольевна, берясь двумя руками за тарелку с кремом.

– Птицей, – сказала я.

Вот именно это умение было мне совершенно ни к чему. Ну что я могла в пернатом виде предпринять против того, кого собиралась преследовать?

Но мне так всю жизнь хотелось встать в арабеск, закинуть голову и полететь, что я ни секунды не колебалась.

– Сейчас пришло бабу Стасю, – пообещала, нисколько не удивившись, Анна Анатольевна и вышла.

Кругленькая баба Стася прямо-таки вкатилась в кухню.

– Перекинуться – это проще всего, – сразу начала она. – На то и перо нам дано. Только не у всех получается. Аня не может – куда там! Отъелась! А ты... ты сможешь. Ты способная.

Баба Стася бесцеремонно пригнула мою голову и обшарила пальцами узел волос. Пальцы были как железные, но... невесомые...

– Ладная кичка, – сказала она, – волос густой, перышко хорошо держаться будет. Дай-ка мы его засунем поглубже, вот так... Теперь уж не выскользнет.

Я выпрямилась, она оглядела меня с ног до головы и пригорюнилась.

– Ты же еще совсем молоденькая, – жалостно сообщила мне она. – Может, обойдешься, а? Ведь потом расплачиваться!

– Мне уже есть за что расплачиваться, – сказала я. – Он мне перышком глаза помазал.

– Это ничего, это он простит! – обрадовалась баба Стася. – Он-то добрый. Может, без него разберешься, а?

– Не справлюсь я без него, – и я почти так же развела ладонями, как баба Стася за столом. – Понимаешь, бабушка, больше помочь некому. Те, кто за это деньги получают, не могут мою подругу от беды защитить. А я одна не справлюсь.

– Из-за подруги на это идешь? – она явно не поверила.

– Ну... и из-за подруги, конечно, тоже. Понимаешь, бабушка, за ней какая-то сволочь охотится. Может, маньяк. Если его теперь не поймать, он много чего натворит. Я вот разобратся хочу, зачем ему Соня понадобилась. А вдруг он с Соней расправится и за другую женщину примется, такую же беззащитную? И у нее тоже никого рядом не будет, чтобы помочь?

Объяснила я вроде бы понятно. Баба Стася призадумалась.

– Да, если так, тебя не отговоришь, – и она вздохнула.

– А ты сама, бабушка? Ты как решилась?

– Решишься тут, когда пятеро маленьких и мешок муки на всю зиму. Как не решилась – малые бы с голоду померли. Ну, выжили мы в ту зиму. Не я одна – Шура Адамовичева тоже решилась, померла она десять лет тому. Вместе мы тогда вышли ночью в пустой амбар, и, как бабки учили, образам не поклоняясь, в дверях не перекрестясь, «Отче наш» – навыворот... Явился... Думали – морока, чудище, а когда в глазах прояснело, прямо заулыбались. С лица он больно был хорош. Мужики-то наши в войну убитые.

– А потом? – нетерпеливо спросила я. – Все устроилось?

– Устроилось, – подтвердила она. – Не зря мы с Шурой это затеяли. Спасли малых.

– И где же они теперь?

– Да кто где... – Баба Стася задумалась. – Наташка в Днепропетровске... Петродзержинске? Нет, Днепродзержинске, есть такой город-то или нет? Сашенька – за Уралом где-то, Любушка... последнее письмо из Сыктывкара прислала. Может, там до сих пор и живет?

– А давно прислала?

– Да годов уж...

Она не договорила фразу, но я внутренним слухом уловила горестное «... с десять будет». Бабе Стасе было стыдно за тех пятерых малых, кого она спасла от голодной смерти. И в то же время она была спокойна, потому что наград от Зелиала за добрые дела никому не полагалось. Само дело и было наградой, да еще за право сотворить его приходилось платить душой.

– Ну, коли не раздумала, так учись, – вдруг сказала баба Стася. – Руками проводи сверху вниз, от головы по груди, по животу, по ногам, а теперь снизу вверх, по ногам, по бокам, возьми себя за плечи вот так и крепко сожми...

Я почувствовала, что грудь моя выкатывается вперед, а ноги словно втягиваются в тело.

– Все, хватит! – приказала баба Стася. – Стряхни руками! Поняла? Ну, наука это простая. Ты, главное, не бойся, когда перья по телу пойдут. Чешутся, окаянные! А захочешь опять человеком перекинуться – клювом перо из грудки выдерни, лапой наступи и вот так разотри.

Она показала ногой, как растирать в прах перо.

– Спасибо, бабушка, – сказала я.

– За это не благодарят, – сурово отрубилла она. – Может, и проклянешь иным часом бабу Стасю за ее науку. Ничего, я не обижусь. Подруге-то помоги непременно. А теперь ступай отсюда тихонечко. Нечего тебе здесь делать. У нас-то все уже позади, мы сидим тут и околеванца ждем. А у тебя, я вижу, и позади ничего не осталось, о чем можно пожалеть, и сейчас – одно на душе, как бы делом своим заняться, так что иди уж, выручай свою подругу!

Иди, иди, нечего тебе с нами чаи гонять. Мы все, чего хотели, сделали. А у тебя еще мно-о-ого дела!

– Баба Стася, ты гадать умеешь? – вдруг спросила я.

– Так вот же, гадаю! – сердясь на мою несообразительность, воскликнула она. – Вот Аня мужа спасала, я – деточек, Галина тоже за семью страдает, с Ренаткой вообще кинокомедия – за открытие какое-то научное! У нас один раз сбылось то, о чем просили, и больше уж не повторится, потому что во второй раз Аниного мужа в каталажку не посадят, во второй раз по пятьдесят шесть грамм пшеницы да по сто двадцать грамм ржи на трудодень мне не дадут! А ты, чую, чего-то такого добиваешься, что не на один раз. И добьешься. Так что беги отсюда скорее. Беги, беги, ты хорошо бегаешь. А то – так лети! Это у тебя сразу получится! Ты – способная!

И она вытолкала меня из кухни в прихожую, а из прихожей – на лестницу.

Дверь захлопнулась.

– Вот тебе и шабаш! – вслух произнесла я.

Была ночь, в той ее поре, когда уже и хулиганье угомонилось, и можно спокойно пройти по городу из конца в конец, не встретив ни души.

И я пошла – медленно, как человек, обремененный лишь приятной усталостью, тяжестью от вкусной пищи в животе да легкими симпатичными мыслями, порожденными бокалом шампанского. Которого, кстати, и не было...

Во мне рождалась какая-то огромная сила, которой еще не требовалось мгновенного действия, но она уже осознала себя, свои масштабы, свои цели. Во мне свершался неторопливый процесс, сходный с тем, как наливаются соком плоды. Я, чувствовала это так, будто кровь, текущая во мне, стала тяжелее. Но мне давно было известно, что когда чувствуешь тяжесть собственных мышц – значит, растет их сила. Очевидно, так же обстояло дело и с кровью.

Она ходила по мне, я чувствовала ее, я осваивалась с этим новым ощущением, и оно мне нравилось.

* * *

Очевидно, когда Жизель завершила последний пируэт и на долю мгновения застыла в арабеске, она изумилась точно так же: по ее жилам ходила новая, светлая сила, вскипающая и пузырящаяся, как розовое шампанское. Может быть, из жил ушла старая, тяжелая кровь, и взамен родилась легкая, несущая, вскипающая?

Уж теперь-то Жизель могла станцевать все на свете. Когда она поняла это, то благословила своего возлюбленного изменника и миг своей смерти.

И понеслась, пробуя то одно, то другое движение, счастливая оттого, что не касается земли.

А впереди было еще и другое счастье – влиться в белое облако и лететь над ночной землей... играя... убивая.

Она еще не знала, что это облако убивает.

* * *

На утреннюю тренировку принеслась Соня.

Она любит поспать, и когда у нее нет первого, второго или даже третьего урока, просыпается впритык, чтобы одной рукой запикивать в рот бутерброд, а другой – красить глаза, суя при этом ноги в туфли. И является в школу аккурат к звонку на урок.

Поэтому я и удивилась, обнаружив ее в зале. Мои бегемотицы, как всегда, опаздывали. Я на ходу скинула кофту и платье, вынула из сумки купальник и лосины.

– Послушай, он приходил! – объявила Соня.

Я прежде всего посмотрела, как заживают под волосами ее шрамы и рассасываются шишки. С этим обстояло нормально.

– Кто приходил?

– Этот... эта сволочь.

– То есть как?!

– Ночью бросал камушки в окно!

Я онемела.

Сонька одновременно наивна и мнительна. Наивна до того, что верит в милицию. И мнительна до того, что теперь ей на каждом углу будут мерещиться насильники и убийцы.

– Я боюсь там ночевать! – вдруг объявила Соня. – Я одна умру там от страха!

– С твоей дверью от страха умирать незачем, – возразила я, натягивая лосины и разглаживая их по ногам. – Ее тараном не прошибешь.

– Так ты этой ночью не придешь ко мне ночевать? – возмущенно спросила Соня, как будто она уже трижды приглашала, получила грубый отказ и готова ринуться в последнюю атаку.

– А зачем? – поинтересовалась я.

– Как – зачем? Я же боюсь одна!

– Очень интересно. И что же я, по-твоему, сделаю, когда в окно бросят камушек? Побегу звонить в милицию?

Соня задумалась.

– Нет. Я тебя не пущу, – наконец решила она.

Вся беда в том, что у Соньки нет телефона. Она уверена, что именно из-за этого Генка до сих пор на ней не женился. Ведь он не имеет возможности звонить ей каждый вечер и вести светские беседы. О том, что сработал бы другой вариант – что звонила бы она сама и бросала трубку, услышав женский голос, Сонька, конечно, не подумала.

– Так мне тем более незачем у тебя ночевать.

– Значит, не придешь? – растерянно прошептала Соня. И я поняла, что больше ей позвать некого. Как она беззаветно надеялась год назад, что я помогу ей сделать соблазнительные бедра и бюст (и действительно, кое-что у нас получилось), так теперь она свято убеждена, что я ее в обиду не дам. А как я это сделаю, она не беспокоится.

Логика женщины, которая дожила до тридцати (почти!) лет и не научилась обходиться без крепкого мужского плеча, меня всегда поражает. Ведь по меньшей мере восемь лет после института Соня жила более или менее самостоятельно, так сказать, на моральном и физическом хозрасчете. Я понимаю, прожить все эти годы в браке – и вдруг оказаться в одиночестве! Тогда точно начнешь в поисках опоры хвататься за что попало. Но было же время научиться жить одной, справляясь со всеми проблемами!

Все это я высказала Соне, уже зная, что пойду к ней ночевать, и она уложит меня с собой, и будет полночи рассказывать о Генке во всех трагикомических подробностях, и разволнуется, и в четыре часа утра пойдет ставить чайник и лепить бутерброды...

В общем, весь день у меня был испорчен думой о том, что вечером придется обойтись без ванны. Да и спать я привыкла одна, полностью распоряжаясь собственным одеялом. Когда же мне приходилось спать не одной, я по два часа пыталась заснуть, а потом через каждые двадцать минут просыпалась и натягивала одеяло, да еще так, чтобы из четырех ног ни одна не торчала. Однажды я даже спросила себя – а стоит ли то, что двое совершают в постели, таких страданий?

Зная Сонькину способность вести хозяйство, я купила к ужину решительно все – хлеб, масло, сыр, сахар и чай. У нее вечно не хватает какого-то решающего компонента. Купила я также новые шлепанцы, потому что забежать домой не получалось. А то, что Сонька предлагает гостям, восторга у меня не вызывает. Я брезгливая. То есть я могу поесть из одной плошки с собакой, животные в моем понимании чисты и их запахи для меня нейтральны, но сунуть ногу туда, где уже побывала чья-то босая нога, – выше моих сил. Даже в интимных отношениях я ловила себя на том, что мужчина приносит целый букет неприятных мне запахов – и ног, и пота, и вообще всего, что выделяет его тело. Можно какое-то время пересиливать себя, но когда раздражения накопится выше крыши, да еще приплюсуются всякие глупости, терпение лопается.

Если признаться совсем честно, то на подходе к Сонькиному дому я беспокойно озиравлась. Я чувствовала, что этот сукин сын поблизости. Впрочем, Соньке я сказала, что у нее галлюцинации, что камушки бросали мальчишки и что напрасно я к ней притащилась.

Я после шести тренировок и беготни так умоталась, что за ужином клевала носом. А когда мы с Сонькой вместе ужинаем, то это получается в первом часу ночи.

Когда мы допивали по третьей чашке чая, в окно стукнул камушек. Мы одновременно вздрогнули.

– Он! – сказала Соня.

Я же и так знала, что это он. На сей раз Сонькина мания преследования имела-таки основания.

Камушек ударил еще раз и продебезжал по подоконнику.

– Туши свет! – приказала я. – Попробуем его разглядеть!

Я рассчитывала, что хоть у Сони это получится. Что-то внутри меня мешало мне увидеть его лицо, хотя я могла с третьего этажа увидеть сквозь куртку клетки на его рубашке.

– Эй! Соня! – позвали снизу. Мы переглянулись. Он успел узнать ее имя!

Сонька окаменела, а я протянула руку и выключила свет.

– Ты чего? Я боюсь в темноте! – заявила эта умница.

– Тебе обязательно нужно, чтобы он видел в освещенном окне твой силуэт? – как можно язвительнее поинтересовалась я. – Тебе обязательно нужно, чтобы он запустил в тебя кирпичом?

– Соня! – раздалось снизу. – Открой!

– Кто это? – дрожащим голосом спросила Соня. Я думала, он не услышит, окно все-таки было лишь чуточку приоткрыто, но у него оказался хороший слух.

– Не бойся, свои!

– Кто это свои? Вы кто?

Соня нашла время и место для интеллигентных препирательств!

– Открой, говорят тебе! – отвечал он. – Не бойся, я тебе ничего не сделаю!

– Как вас зовут? – додумалась спросить Соня.

Невзирая на кошмарность ситуации, меня разобрал хохот. Я привалилась к стене и тут вдруг сообразила, что он же не знает, что нас здесь двое.

– Сонька! Слушай! Ты с ним еще поговори, спроси, как его отчество, а я выскочу и побегу звонить в милицию! Поняла?

Соня кивнула – мол, ага, поняла! – и в полном ошалении действительно спросила:

– Как ваше имя-отчество?..

Я схватилась за голову. Вопрос получился издевательский, а я догадывалась, что эту скотину лучше не дразнить.

– Лучше открой добром, а то узнаешь, как имя-отчество! – нехорошим голосом пообещал человек внизу.

– Я вам не открою, – быстро сказала Соня. – Я сейчас милицию вызову!..

– У тебя телефона нет, – ответили снизу. – Давай открывай, я сейчас поднимусь. А то хуже будет.

– Не открою!

Он не ответил.

Соня, стоя у окна, не решалась выглянуть наружу. Я набралась смелости и высунулась. Его во дворе не было.

– Он что, действительно к нам пошел? – недоуменно спросила Соня.

– Фиг его знает... Я уже не успею выскочить.

– Я тебя не пущу!

– Если он уже на лестнице...

Тут в дверь позвонили.

– Он... – прошептала бледная Соня. – Ей-богу, он! Жанка, я боюсь! Он убьет меня!

– Не пори ерунды! – прикрикнула я. – Что он, лбом, что ли, твою дверь прошибет?

– А вдруг у него лом?

Пожалуй, ломом он мог бы прошибить дверь – если бы умудрился замахнуться.

Дверь отворялась в такой закоулок, что мы с Соней еле туда протискивались. Но он мог засунуть какую-нибудь дрянь в щель и отжать дверь!

Позвонили опять – долго, упрямо.

– Молчи, – приказала я Соне. – Не визжи и не паникуй!

– Господи, ну зачем я ему понадобилась? – вдруг взмолилась Соня. – Ну, зачем он меня преследует? Что я ему сделала? Я же его никогда в глаза не видела!

– Заткнись, – спокойно сказала я. – У тебя красный перец есть?

– Ты с ума сошла?

– Есть или нет?

– На кухне...

– Понимаю, что не под одеялом.

Тут он впервые ударил в дверь – еще не очень сильно, а как бы пробуя кулак.

– Пошли на кухню.

Он колотился в дверь, а мы зажгли свет и отыскивали пакет красного перца. Я честно поделила его пополам.

– Если он все-таки проломится к нам, кидай ему в глаза перец и выскакивай на улицу, – приказала я.

– Ты с ума сошла! Он меня догонит, – обреченно сказала Соня.

– Ему будет не до тебя.

– Надо позвать соседей! – вдруг сообразила она. – Пусть кто-нибудь хоть на лестницу высунется! Пусть они в милицию позвонят! А, Жан?

– Зови, – позволила я, даже с некоторым любопытством – как она с этой задачей справится?

– По-мо-ги-те-е-е!!! – вдруг заорала Соня. – На-по-мощь!

У меня даже уши заложило. Я знала, что у нее тонкий и пронзительный голос, но таких бешеных децибелов не ожидала!

Тот, за дверью, уже бился в нее всем телом. Дверь дрожала, но держалась.

– Он сумасшедший, – вдруг негромко и уверенно сказала Соня. – Он сумасшедший маньяк! Он не понимает, что сейчас выскочат люди!

– Не слышу хлопанья дверей и возмущенных голосов, – зло ответила я.

– По-мо-ги-и-те-е-е! – еще громче заорала Соня, и с тем же результатом.

Дом спал или притворялся спящим.

– Ты лучше заорала бы «Пожа-а-а-а!», все бы повыскакивали! – вспомнила я старое средство самозащиты. – Свою жизнь и имущество каждый спасти захочет!

– Да-а, а потом?

– Что – потом?

– Что я им потом скажу?..

– Идиотка!

Тут жалобно звякнул звонок и раздался самый громоносный удар.

Видимо, только таким грохотом можно было пробудить от спячки мои мозговые извилины.

– Стой у дверей с перцем! – приказала я. – А я попробую вылезть в окно.

– Не пущу! – и Соня, рассыпав перец, вцепилась в меня. – Ты шею сломаешь!

– Не бойся, не сломаю!

Я легко разбила ее хват и вскочила на подоконник. Соня кинулась ко мне, но я оттолкнула ее ногой, и она упала. Я проверила – перышко Зелиала крепко держалось в волосах, упрямое в узел. Тогда я провела руками, как учила баба Стася, сперва сверху вниз, потом снизу вверх, взялась за плечи и крепко сжала их. Зуд охватил спину, руки, грудь. Ноги словно въехали куда-то в живот, спина прогнулась не человеческим, а уже птичьим прогибом. И я, пока превращение еще не завершилось, шагнула с подоконника куда-то в сторону, рассчитывая на какой-нибудь выступ в стене, чтобы Сонька не спятила от такого чуда.

Воздух сделался плотным, почти как вода. Я взмахнула крыльями и очень даже просто оттолкнулась от него и полетела. Мелькнула ехидная мысль – уж не в ворону ли я превратилась? – но полет все-таки требовал внимания, а зеркала ни во дворе, ни на улице, ни на крыше, которую я перелетела, не оказалось.

План мой был прост – у ближайшей телефонной будки перекинуться опять человеком и действительно вызвать милицию. Пусть приедет патрульная машина и повяжет нашего маньяка как обычного хулигана. В том, что дореволюционная дверь ему не по зубам, я практически не сомневалась. А то бы он взломал ее, пока Соня лежала в больнице или жила у матери. Взломал и засел ожидать хозяйку. А не бился бы сейчас, перебудив весь дом – я не сомневалась, что люди хлопают глазами в своих постелях и проклинаят того, кто мешает им выспаться перед

рабочим днем. А вопль «Помогите!» они приняли с брезгливой гримасой. Ну, гоняет кто-то свою бабу, ну, даст ей пару раз по шее... Чего тут помогать!

Обратное превращение оказалось таким же неприятным – в меня втянулись все перья, оставив такое ощущение, будто кожа сплошь в мелких дырочках.

Я набрала номер милиции и узнала, что все патрульные машины в разгоне, и как только хоть одна освободится, ее пришлют по указанному адресу. Адрес я, конечно, дала, но какое-то чувство подсказывало мне, что с машинами дело неладно. Выхода не было – я опять перекинулась и напрямик над крышами понеслась к райотделу милиции.

Разумеется, машина у входа стояла. Я пролетела вдоль окон второго этажа, в которых горел свет, села на один из подоконников и поняла, что эта машина в ближайшие полтора часа не сдвинется с места...

Крепкие, налитые, красивые ребята смотрели телевизор. Там, в экране, стреляли и тащили за руку блондинку-заложницу. Буйствовала итальянская мафия. Кипели страсти. Парни вытаращились в телевизор. Видно, этот фильм делали настоящие профессионалы.

Печально выругав тех умников, кто догадался крутить в ночных программах боевики, я снялась с подоконника и полетела назад. Что-то надо было делать. Самой заорать на лестнице «Пожар!», в конце концов. Я могла проникнуть на лестничную клетку и с шестого этажа. Перекинуться, проорать, опять перекинуться и смыться.

Но у самого подъезда я нос к носу (клюв к носу? нос к клюву?) столкнулась с этой сволочью. Он вышел, покачиваясь и бормоча нецензурщину. Но мне он не показался пьяным. Возможно, у него разладилась координация от бешеного возбуждения.

Он так хлопнул дверь, что все заныло и задребезжало. И пошел по самой середине улицы – но не к домику, в котором поселился, а совсем в другую сторону.

Тут мне уже стало интересно. С дверью он не справился, куда же его понесло на ночь глядя? Ломать еще какую-нибудь дверь? Или на охоту? Вынь да положь ему беззащитную девочку?

Я почему-то была уверена, что Соня не валяется в обмороке, а понемногу приходит в себя. Стало быть, мое присутствие не обязательно.

Сукин сын остановился, как будто вспомнил, что у него в кулаке что-то зажато. Он поднес этот предмет к самому носу, громко выругался и отшвырнул его с непонятной яростью.

Когда он удалился шагов на десять, я опустилась пониже, чтобы разглядеть эту штуку. И увидела выдранный с корнем дверной звонок.

Наш очаровательный ночной гость уже шагал совершенно ровно, и я все больше убеждалась – нет, он не пьян, он не был пьян и тогда, когда напал на Соню. Только пьяный способен искренне надеяться, что перепуганная женщина может открыть дверь ночью незнакомому человеку. Но он не был пьян, когда стоял во дворе, задрав голову, и вел с Соней светскую беседу!

В общем, так меня все это заинтриговало, что я полетела следом. Я должна была знать, что у него за странные ночные дела. Я должна была понять эту тварь – хотя я всегда горела на том, что ждала от одноклеточного существа логики и чувств многоклеточного. Проще говоря, я собиралась заняться тем, о чем говорила Зелиалу.

Он шагал, я летела, присаживаясь по временам на ветки и провода.

А привел он меня на кладбище.

То есть, не на само кладбище, а в переулок между ним и церковным садом. Но все равно – пейзаж был как декорации для «Жизели». Недоставало только прелестных резвящихся вилиис в белых тюниках и с веночками на гладких прическах. То-то порадовался бы мой маньячок!

Я была уверена, что когда мы дойдем с ним до того места, куда он так бодро направился, я много узнаю и о нем, и почему он напал тогда на Соню. Возможно, так оно и было. Но я,

забравшись в полете довольно высоко, увидела, что в дальнем углу кладбища полыхают молнии.

С самого начала своих полетов я знала, что умею летать быстро. Даже маньяк с его спорой походкой перемещался чересчур медленно для меня. Вполне можно было слетать поглядеть, что там за чудеса, и вернувшись, застать маньяка в том же переулке. Поскольку с одной стороны сад, а с другой кладбище, то на протяжении еще метров двухсот деваться ему некуда.

И я полетела к молниям.

* * *

Мечта о полете и сам полет – не одно и то же. Воздух несет, как волна, но и сопротивляется, как волна. Может утянуть и завертеть, перекувырнуть, ударить о стенку, вклепать в крону дерева. У него тоже свой нрав. Лишь над самой землей вибрирует танцует легко и радостно. Чуть повыше она уже борется с вихрями и течениями.

Но танец должен быть прекрасным!

Даже тот, который убивает.

* * *

Я увидела два туманных силуэта. Между ними-то и носились молнии. Один был похож на человека, только с крыльями. Молнии срывались с кончиков крыльев и извилисто неслись к противнику. Тот был как бы в остром колпаке и с когтистыми лапами. На множество длинных молний противника он огрызался короткими и прямыми, от которых уворачиваться было труднее. Воздух над схваткой кипел.

Я облетела их и присела на крест. Передо мной творилось сверхъестественное и мистическое, от чего Сонька давно бы сковырнулась в обморок. А мне уже не было страшно, как не было бы страшно настоящей птице, которую проймешь только реальной угрозой. Если птице показать пистолет, она и не шелохнется. В ее сознании нет связи между черной конструкцией и собственной гибелью. Для нее даже понятия гибели не существует.

Точно так же я не думала, что могу угодить под шальную молнию. Та уверенность, которую вселил в меня Зелиал, явившись черным пуделем и туманным столбом, позволяла мне теперь принимать как должное все чудеса и всю ведьмовщину. Такой стала после той ночи моя жизнь – кто же шарахается от собственной жизни? Стало быть, ею и буду жить, пока она не кончится.

Тот, что в колпаке, перешел в наступление. Пучки его молний были как туго связанные веники, и они, не разлетались, стремились прямо в крылатого. Правда, они отскакивали, но оттуда, где вонзались, вздымался белый дым. А те огненные струи, что срывались с кончиков крыльев, делались все тоныше и короче, они уже не настигали отскакивавшего когтистого. Вдруг он поднял обе лапы – когти вспыхнули электрическим нестерпимым блеском. Он внезапно вырос вдвое и навис, растопырив эти жуткие когти, над крылатым.

Но я и сама была сейчас крылатой!

И я, плохо понимая, что такое делаю, с боевым криком сорвалась с креста и кинулась сквозь сплетающиеся вихри в глаза когтистому.

– Кр-р-ра-а! – заорала я, ударяя сильным крылом по расплюсченному носу и врубаясь острым клювом туда, где должен быть глаз.

– Кр-ра-а! – повторила я, отлетев для разгона и опять кинувшись в отвратительную физиономию.

С раскинутых лап слетели пучки молний и ушли в ночное небо. Он пытался отбиться и махал этими огромными лапами, как умел, но они были устроены очень неуклюже – он не

мог достать когтем свою морду и не мог так развернуть лапу, чтобы сбить меня молнией и не обжечься самому.

Тем временем поверженный было крылатый вскочил и свел крылья над головой. Я резко взлетела вверх и увидела, как он вытянулся в струнку, и с кончиков сложенных крыльев летит длинная мощная молния, в которую крылатый вложил последние силы.

Она угодила прямо в грудь когтистого. Он рухнул, и земля раскрылась воронкой и всосала его. Потом воронка вытолкнула несколько клубьев вонючего дыма и сомкнулась окончательно.

Я опустилась на траву, а крылатый упал рядом со мной. Оба мы чувствовали себя пре-скверно.

Наконец ко мне протянулось крыло, погладило меня по голове, я скосила на него глаз и увидела человеческие пальцы.

– Спасибо, ворона, – прошептал крылатый.

И я совершенно не удивилась, узнав в нем Зелиала.

Торопливо выдернув из грудки перо, я растерла его лапой и обрела свой нормальный вид.

– Я не ворона, я Жанна, – сказала я. – И в следующий раз мне хотелось бы перекинуться более приличной птицей. Если ваша фирма, конечно, на это способна.

– Моя фирма на все способна. И я знал, что это вы.

– Кто это был? – спросила я, показывая туда, где разглаживались круги от воронки.

Зелиал вздохнул.

– Похоже, я опять сделал что-то не то, – признался он. – Но, на мой взгляд, справедливость заключалась в том, чтобы помешать ему. Благодарю вас. Без вашей помощи я бы не справился. Слышите?

Он поднял тонкое, точеное лицо к небу. Я – тоже. Но я не слышала ни звука.

– Летит, – сказал Зелиал и улыбнулся. – Нет, честное слово, летит! Как мы прекрасно успели! А ну...

Он откатился за подстриженные кустики изгороди, я чуть ли не кувырком последовала за ним. И тут я поняла, что он такое услышал.

Высоко в небе одна звезда стала большой и яркой. Но это не была слепящая яркость. Звезда струила приятный для глаза свет. И очень скоро я поняла, что от нее исходит длинный луч и движется к нам. Очевидно, он мчался с безумной скоростью, но мне казалось – он опускается медленно, словно светящуюся нить разматывают там, наверху. Зелиал услышал шорох, а может, свист, с которым этот луч пробивал пространство.

Когда от луча стало светло, я увидела, что побоище происходило рядом со свежей могилой, обложенной цветами.

Луч замедлил движение и ушел в цветы.

Он стоял светящимся столбом, и в центре столба обозначился силуэт. Его потянуло вверх, сперва медленно, потом – с ускорением. И луч тоже стал втягиваться обратно в звезду. Он улетал, а нам с Зелиалом делалось все темнее. Наконец звезда вернула его весь в себя и стала обычной маленькой звездой, булавочным уколом на небе, сквозь который просачивается к нам нездешний свет.

– Вот и все... Как хорошо... – шептал Зелиал. – Как изумительно хорошо... Как мы успели!..

– Что это такое было? – тоже шепотом спросила я.

– Справедливость, – ответил он. – Конечно, она великая грешница, она обманывала мужа и близких, она была то жадна, то мелочна, могла обидеть ребенка и солгать друзьям... Но так любить, как она любила, не всем дано. Потому ей многое простится. Там, наверху...

– А этот, с когтями, хотел взять ее туда, вниз? – догадавшись, я показала пальцем в сторону воронки.

– Да. Кстати...

И Зелиал, вернувшись на место схватки, стал деловито шарить по кустам. Наконец он отыскал и показал мне полубогоревший лист бумаги.

– Их договор, – сообщил демон. – Сейчас мы с ним расправимся.

Бумага на его ладони взялась голубоватым тлением и обратилась в пепел.

– А она?.. – спросила я, и он сразу меня понял.

– Она просила любви. Ну и нарвалась на демона любострастия.

– Так это был демон любострастия? Такое чудище?..

– Ей он являлся в приличном виде, – проворчал Зелиал. – Да, достанется мне теперь там, внизу.

– Влезли в чужую парафию? – опять догадалась я.

– Влез. Я же – демон справедливости...

– И это – ваш настоящий вид?

Я вдруг перепугалась (наконец-то!), что тонкое большеглазое лицо – удачная маска, а под ней – рожа с рогами.

– Вы не поверите – настоящий. У нас там, внизу, много смазливых, – усмехнувшись, сказал он. – Те, кого сбросили вниз после Большого Бунта.

– И вас тоже?

– И меня тоже. Страшная была заваруха, никто ничего толком не понял. Огонь, молнии, кипящая плазма, черт знает что! Когда глаза к мраку привыкли, смотрю – вокруг морды звериные, в бородавках, кривые, косые, многоглазые, с ушами по колено! Оказалось – вся та чертовщина, о которой наверху говорят с горестным сожалением. Они нас и приставили к делу. Мы же, низвергнутые, обратились в демонов...

– А кем вы были там, наверху?

– Не помню. Нас же наказали – памяти лишили. Вот они, нижние, и стали лепить нам другую память. Хорошо, слово я накрепко запомнил – справедливость. Оно еще из того языка, слово... Из верхнего...

Зелиал замолчал, сел на траву и подтянул к подбородку острые колени, обхватив их руками.

– Холодно?

– Да. Мне очень холодно в вашем мире.

Ночь была удивительно теплой... Я подошла, села рядом и обняла этого странного демона за плечи. Мы прижались друг к другу. Он был, как и я, из плоти и, возможно, крови, хотя я и за себя-то не могла поручиться – вдруг после всех приключений мое тело стало иным, уже не человеческим?

– Скажите... Вам приходилось видеть, как торжествует справедливость? – спросил Зелиал. – Ну, вот, безнадежное дело, невинный человек попал в беду, кажется – все, погиб, и вдруг случается что-то этакое – и торжествует справедливость!

– То есть гибнет палач, обманом удается вывести страдальца из тюрьмы?.. – задала я провокационный вопрос.

– Нет, за такой обман потом тюремный сторож пострадает. Я о другом. Вдруг происходит что-то хорошее. В палаче просыпается совесть, добрые люди разбивают тюремную стену...

– Нет, ничего такого я не помню, – жестко сказала я. – У нас в стране у палачей не просыпалась совесть. А на километры колючей проволоки нужно было слишком много добрых людей – к тому времени погибших.

– Это – история, а теперь? Рядом с вами? Ну, пусть хоть в мелочи? – спросил Зелиал. – Старушка кошелек с пенсией потеряла, а он нашелся? Человека осудить пытались, а его невинность обнаружилась? Как бы чудом? А?

– Думаю, что за чудо нужно неплохо заплатить адвокату, – сообщила я этому невинному крылатому младенцу. – А старушкин кошелек, возможно, и нашелся. Не знаю. При мне такого не было. Вот всяких безобразий я видела достаточно.

– Не упрекайте меня, – попросил Зелиал. – Мне всюду не поспеть. Я спрашивал вас потому, что никак не могу напасть на след.

– Чей след?

– Ангела справедливости!

– Зачем он вам? Вы ведь тоже – за справедливость!

– У меня иначе получается. На днях унился до карманной кражи. Вынул из кармана у прохожего бабушкин кошелек и старушке его подбросил. Хорошая такая старушка, только слепнет понемногу. И не заметила, бедняга, как обронила, а тот подобрал и чуть домой не утащил. Хорошо, я рядом случился. Но ведь в этом есть элемент ненужного насилия!

– То есть как??? – совсем обалдела я.

– А так, что прохожий остался тем же. В следующий раз, найдя кошелек, он его поглубже в карман засунет. Ни совесть, ни милосердие я в нем не пробудил. Мне этого и не дано – я же демон! Так что старушке-то я помог, а зла не искоренил, и справедливость моя в итоге получилась какая-то убогая. Справедливость-однодневка. Мне бы найти ангела!. Кто, кроме него, поможет мне разобраться, а? Ангел-то творит справедливость силой света! Он знает, как свет в душу направить! А я – ну, не то чтоб совсем силой мрака... но все-таки...

– Если я что-нибудь такое узнаю, сразу же скажу, – пообещала я.

Мне стало безумно жалко неприкаянного демона, потерявшего все ориентиры в своей дьявольской деятельности. Он всеми силами сопротивлялся должностной необходимости творить зло. И никак не мог нашарить путей к добру. Я понимала его – я тоже подсознательно ломала голову, как в истории с маньяком соблюсти меру.

– Очевидно, есть где-то и высшая справедливость, которой подчиняются и ангел, и демон, да и вообще все ангелы и демоны, – задумчиво сказал он. – И я бы очень хотел знать, как я со своими дурацкими договорами о продаже души в нее вписываюсь!

– Кстати, о договоре! – вспомнила я. – Мы будем его заключать?

– Больно он вам нужен! – буркнул Зелиал. – Я и без бумажки дам вам все необходимое...

– Почему же с другими вы заключили договора?

– Это было раньше... давно.

– Что такое для демона – давно? – возмутилась я. – Вы же бессмертные! Для вас давно – это до нашей эры! А договор с бабой Стасей хотя бы подписан в конце сороковых, что ли, или в начале пятидесятых.

– Когда вы наконец перестанете измерять время днями и годами! – возмутился он. – Время измеряют мыслями. Если у вас десять лет подряд одни и те же мысли в голове, – значит, ваше время стоит. А когда завелись новые мысли – то и время тронулось с места. Полностью обновились мысли – вы уже живете в другом времени. Так что тут ваше тысячелетие может оказаться равным одной неделе напряженной работы мозга. Да и какие мы бессмертные...

– Разве нет?

– На каждого из нас припасена погибель. То есть для тех, кого сверху скинули. Только нам и этого знания не дали. Те, кто всегда был внизу, – те знают. Есть духи, которых можно убить даже взглядом – нужно только знать час суток и расположение звезд. Есть, кого можно убить, зажав между пальцами косточку финика и выстрелив прямо в лоб.

Я вздохнула – нет в мире совершенства. Даже этот печальный демон, оказывается, смертей. И вспомнила о договоре.

– Давайте все-таки составим эту бумагу, – попросила я. – Чем я лучше бабы Стаси! Как все – так и я.

– Не терпится вам взвалить на себя эту тяжесть! Вы хоть представляете, что это такое – продать душу дьяволу?

– Не представляю, – ответила я, – но пусть все будет честно. Я ведь уже пользовалась услугами вашей фирмы. Вот, птицей перекидываться научили. Зрение поправили. Еще бы глаза отводить...

– У меня бумаги с собой нет! – ежась от ветра, объявил Зелиал. – И писать нечем.

– Странные нынче пошли демоны... – философски заметила я. – Не могут из воздуха листок бумаги с авторучкой добыть. А могуществом фирмы похвастаться – первое дело!

Зелиал протянул руку – и на ладонь легли два листка, размером как из блокнота, и авторучка.

Я мелким почерком написала довольно грамотный договор – поскольку тренировки я веду и от кооператива, то по части договоров уже насобачилась, отточенные формулировки у меня от зубов отлетают. Текст получился краткий и емкий. Зелиал, во всяком случае, одобрил. Смутило его, правда, что я продавала душу не безликому «дьяволу, именуемому в дальнейшем ПОКУПАТЕЛЬ», а ему, Зелиалу, лично. Но я объяснила ему, что раз он уполномочен заключать такие сделки, то вполне может выступать от собственного имени – что, кстати, было весьма сомнительно.

Но я доверяла именно Зелиалу, этому туманному и зябнувшему на ветру бесу. Один экземпляр договора я оставила себе – что тоже его ввергло в недоумение. Зачем бы мне нужен документ, удостоверяющий, что моя душа продана? Скорее уж, как во все времена, я должна была стремиться уничтожить и единственный экземпляр. Но у меня дома хранилась уже стопка договоров с кооперативами и домами культуры, и иногда приходилось вызывать к ним в спорах с администрацией. Трудно даже предположить, какой спор мог бы у меня возникнуть с адом, но договор должен лежать в стопочке – и точка!

Бюрократическая беседа немного развлекла нас. А потом небо посветлело, и мы поняли, что пора расставаться...

* * *

Жизель знала любовь только в наивнейшем ее проявлении – прикосновении пальцев к пальцам, ласке взора, найденных на пороге цветах. Радость плоти была ей незнакома. Ее тело знало лишь легкий и светлый восторг танца. И потому, обнаружив, что уж теперь-то она принадлежит танцу всецело, Жизель была счастлива. Тело лежало под крестом – неподвижное, никогда не знавшее женской радости тело. Без груза плоти Жизели было куда легче крутить свои пируэты. Ей не о чем было жалеть.

И ни одна из виллис, этих умерших до свадьбы невест, не знала женской радости. Возможно, кого-то соблазнили и бросили, возможно, кого-то скосила болезнь накануне того момента, когда близость должна принести счастье. Возможно... Если бы виллиса извела то, ради чего мужчина и женщина ложатся в одну постель, во всей полноте, она не могла бы так беззаботно танцевать – ведь радость танца меркла бы в сравнении с той, другой радостью.

Все это белое облако знало лишь одно блаженство – блаженство певучего, отточенного, невесомого движения. Оно не могло в порыве пылкого воспоминания простить свою жертву – ему нечего было вспоминать.

Когда-нибудь я вольюсь в это облако на равных, без сожаления о своей тренированной и избалованной плоти.

Потому что мне нечего вспомнить.

* * *

Расставшись с Зелиалом, я понеслась искать следы своего маньяка. Но он, видимо, обул другие кроссовки – не светились в переулке контуры подошвы и каблука, не звала меня шаг за шагом Сонькина кровь. Мне оставалось одно – пока и впрямь не наступило утро, перекидываться птицей и мчаться напрямик сперва к Соньке – как она там? – а потом к себе, потому что в сумке, что осталась у Соньки, пропотевший купальник и пыльные от валянья на грязных матах лосины. О носочках я уж молчу. Ничто в мире не заставит меня надеть вчерашние носочки. Так что следовало взять дома все чистое и вообще принять душ.

Сонька уgomонилась и заснула. Я оставила ей записку – со мной все в порядке, сходи в милицию и оставь заявление. Нельзя сказать, что я так уж надеялась на это заявление, но Сонька явно разбудила своими воплями весь дом. Возможно, кто-то с первого этажа видел в окно уходящего маньяка и мог бы его обрисовать или даже опознать.

Потом я занялась собой, потом подоспело время обеденной тренировки – у меня одна группа мучается по обеденным перерывам, что не так уж и глупо, после завтрака проходит не меньше четырех часов, пища успевает провалиться из желудка в кишечник, и по крайней мере эта группа гарантирована от желудочных колик в разгар занятий. Мои бегемотицы не верят на слово, когда я предупреждаю их о таком последствии их обжорства, а потом держатся за бок и стонут, как будто помирать собрались.

После обеда я побежала к одному приятелю, который обещал переписать для меня кассету и заодно покопаться в моем запасном магнитофоне, что-то он стал тянуть. Качество музыки меня мало волновало, это была просто ритмичная и функциональная музыка, без претензий и полета, но то, что изменился ритм в прыжковой серии, раздражало.

И, наконец, я решила продублировать Сонькин визит в милицию. Какое-то чутье подсказывало мне, что от моего появления будет больше толку.

Мне уже было интересно – передадут дело четвертому следователю, или им все еще занимается третий? Оказалось – именно третий, видимо, получив негласное указание списать его в архив за неимением улик и доказательств.

Я увидела в кабинете знакомое лицо. Он тоже меня узнал.

– Здравствуйте, садитесь, – сказал он. – Сейчас страницу допечатаю и займусь вами.

Возразить было нечего. Я села смотреть, как он воюет с машинкой. Страницу он печатал минут пятнадцать, не меньше.

– Я по поводу Розовской, – напомнила я. – Было еще одно нападение. Преступник прошлой ночью кидал ей камушки в окно, но она затаилась, а этой ночью он ломился в дверь. Потом со злости выдрал дверной звонок и ушел.

– С дверным звонком? – уточнил мой собеседник.

– Да, он его потом на улице выбросил.

– А Розовская?

– Розовская орала от ужаса. Надо опросить соседей. Может быть, кто-то видел его в окно. Следователь задумался.

– А почему сама Розовская не обратилась? – спросил он.

– Она собиралась... – растерялась я. – Я ей велела, чтобы она с утра зашла. Наверное, что-то помешало...

– А не кажется вам... – он подвинулся через стол и машинку ко мне поближе и уставился мне в глаза своими сладкими, черными, турецкими, воображая, видимо, что они способны загипнотизировать, – что ваша подруга Розовская... м-м-м... ну, фантазирует, что ли? У меня создалось впечатление, что она женщина нервная, возбудимая... Какие-то камушки, человек

в дверь ломился... Она ведь и тогда не могла его толком описать. То он у нее среднего роста, то выше среднего. То у него темные волосы, то – она не помнит.

– Когда человека душат, ему как-то не до роста или волос, – зло ответила я.

– Все равно – слишком она часто сбивалась в своих показаниях. А теперь еще попытка взломать дверь. Ну, скажите честно, это ведь нелепость какая-то! Из всех дверей могли повыскакивать соседи. Кто-нибудь наверняка бы вызвал патрульную машину! Разве не так?

– Вызывали милицию, – сообщила я, – но дежурный ответил, что свободных машин сию минуту нет, все в разгоне. Как будет – так пришлет. До сих пор не прислал.

– Это вам тоже Розовская сказала? – поинтересовался он.

– Почему же? Я сама и звонила.

– Вы?

– Да, я там ночевала.

Возникла пауза.

– Вы его видели? – жестко спросил следователь.

– Конечно. В окно. Но я видела его с третьего этажа и тоже не смогла бы сказать, какого он роста. К тому же во дворе темно, а в комнате светло. Могу сказать только, что на нем была темно-синяя куртка, возможно джинсовая, и рубашка в клеточку, светлая. А штанов, простите, не разглядела. Что же касается роста, насчет которого путалась Розовская, то мы с ней проводили следственный эксперимент.

– Это как? – заинтересовался следователь.

– Очень просто. Я сама пыталась ее придушить.

Он отшатнулся.

– Не до смерти, – успокоила я его. – Мы положили на пол стопку книг, я душила ее с высоты стопки, мы меняли количество книг, пока она не сказала – стоп, он держал меня именно таким образом. Ошибка в пределах пяти сантиметров.

Мы опять помолчали.

– Нельзя ли бумагу? – спросила я. – Дам показания. Все-таки я свидетель и должна это сделать. А Розовскую обязательно к вам пришлю.

– Присылайте, – ответил он.

И мрачно смотрел, как я описываю события этой бурной ночи – разумеется, не все.

Очень мне не понравился его взгляд. Но делать нечего – именно этому человеку доверили ловить маньяка и преступника в темно-синей куртке. Я не могла воззвать к милиционерскому начальству, чтобы его заменили кем-то другим. Другой будет делать то же самое. Этот хоть примитивную вежливость соблюдает.

Он уточнил малозначительные детали, и мы расстались.

День был испорчен напрочь.

Я маялась вплоть до последней тренировки.

Неприятно чувствовать полную свою незащищенность, а приходится. Неприятно знать, что пока у тебя все в порядке, государство вроде как к тебе благоволит, а стоит тебе попасть в беду – первым делом выражает тебе официальное недоверие.

Параллельно я думала о том, что придется Соньку временно поселять у себя. При моей патологической страсти к порядку и ее не менее патологическом отрицании всякого домашнего порядка это было чревато взрывом.

Взрыв, взрыв...

К концу тренировки он и случился.

Мои нервы не выдержали.

Была завершающая прыжковая серия. На сей раз я ее построила на элементах канкана. Наверно, живет во мне маленький садист, получающий наслаждение от извращений. Когда мои бегемотицы, сцепившись локтями, не в лад и на разную высоту вскидывают объемистые

ножки, а потом скачут и вертят воображаемыми подолами, я балдею. Такого ни в одном цирке не увидишь.

И вот они плясали, а я смотрела.

Первой слева была Вера Каманина, у нее маленькая дочка и ей сейчас ехать на другой конец города. Второй была Люда, она тоже живет в каких-то трущобах. Третьей – Наташа, она хоть и толстушка, но молоденькая и хорошенькая, я понимаю, как мужчинам нравятся такие симпомпончики. Четвертой – Алка Зайчиха, ее я взяла в группу на свой страх и риск, без медицинской справки, и вот она явственно задыхается, но не желает сходить с дистанции, скачет – только большие груди подскакивают. Пятой была Надя, за ней однажды увязался пьяный и чуть на тренировку не вломился. Я спросила – а что же не убежала? Ведь убежать от пьяного – плевое дело! А она застеснялась. Мои бегемотицы стесняются бегать, ей-богу! Они твердо знают, что бегают комично! Черт бы их, дур, побрал!

Я быстро оборвала канкан и отмотала назад пленку.

– А ну, еще раз! Быстрее! Быстрее!

Они скакали, а мне было страшно на них смотреть – ведь если за ними погонится сволочь, у них не хватит дышалки, чтобы убежать, не хватит силы и сноровки, чтобы как следует двинуть ногой! Это же – команда обреченных!..

– Ноги выше поднимайте! Колени – выше! До плеча! Еще!

Я подхватила Веру под локоть и задала им жару! Я плясала вместе с ними, пока сама не облилась потом. Когда опомнилась – половина бегемотиц уже сошли с дистанции и стояли с ошалелыми глазами.

– Еще три круга бегом! Пошли!

Уже без всякой музыки я гнала их по залу, гнала жестоко, и по четвертому, и по пятому кругу. Они тяжело топали за спиной. Я увеличила скорость. Странно, но никто не отстал. И тогда я перешла на шаг, вышла на середину и показала им серию упражнений на расслабление.

Да. Оказывается, бывают и такие истерики.

А Сонька на следующий день категорически отказалась идти в милицию.

– Они же мне не верят! – объявила она. И возразить было нечего.

Разве что утешить – успокойся, мне они тоже не верят.

Во мне зрела ярость – не та пылкая, охватившая меня, когда я узнала про Сонькину беду, а тяжелая, густая, гуляющая по мне с током крови, растекающаяся под кожей. Ярость, обретшая плоть. Ставшая яростью кровь.

Так я ее чувствовала.

Кровь – живое существо. Со своим нравом. Кто-то уживается с собаками и кошками. Ничего удивительного. Мне предстояло теперь ужиться с собственной кровью.

* * *

Когда на кладбище забрел лесничий Илларион, одна только Жизель знала степень его вины перед ней. Прочие виллисы знали одно – он предал, и он повинен смерти. То есть проступок и кара в чистом виде, без подробностей.

Белое облако окружило его, а он изнемогал в танце. Кабриоль, падение... Встал, подскокил высоко... кабриоль, падение... И музыка – воплощенный страшный суд.

Но в этом ли справедливость? И есть ли в единстве «вина – кара» место для чего-то третьего?

Ведь такого же предателя Альберта Жизель пощадила и спасла. Спасла от справедливости. Собой прикрыла, рассказала беспристрастному суду повесть о своей любви к нему и тянула время до утреннего благовеста.

Как пересекаются эти две ниточки, из которых одна связывает проступок и кару, а другая – справедливость и милосердие. И может ли милосердие стать той силой света, которая исцелит нас, грешных?

* * *

Настал вторник.

Я отправилась на шабаш.

Оделась я сообразно тамошним вкусам – в единственное свое элегантное платье (купленное непонятно зачем три года назад и впервые добытое из глубин шкафа), в лаковые лодочки (а вот обувь – моя слабость, у меня шесть пар изящных туфелек, не считая босоножек, и во всех я могу танцевать без усталости, такие они легкие и удобные!), волосы украсила пряжкой из искусственного жемчуга (Сонька купить заставила).

Вообще у меня есть красивые платья, даже нарядные платья, но элегантность мне противопоказана. При моей странной, если не отталкивающей физиономии и гладко зачесанных, собранных в узел волосах натягивать английский костюм равносильно самоубийству. Нет, я никого не собираюсь пленять, но нагонять холод на окружающих я тоже не хочу.

С собой я взяла покупной торт и коробку пирожных. Мне красиво увязали их вместе, чтобы нести за бантик. Со стороны поглядеть – припозднилась элегантная женщина, стучит каблучками по асфальту, торопится в гости в приличный дом, вот же – не бутылку тащит, а сладости. А это она на ведьмовский шабаш направляется.

Анна Анатольевна встретила меня без эмоций. Одной неудачливой ведьмой за столом больше, одной меньше – какая ей разница? Лишний голос в хоре на кулинарные темы. Она была в другом, тоже весьма пристойном, даже изысканном платье с драпировками по левому боку, которые она еще могла себе позволить. И прическу сделала иную – чуть покороче, с напуском на лоб.

Другие тоже отличились туалетами – кроме бабы Стаси. Та была в домашнем фланелевом платьице самого старушечьего покроя и расцветки, что-то вроде мелких цветочков и ромбиков, по коричневатому немаркому фону. Баба Стася явно пренебрегала здешним ритуалом.

– Уже? – шепотом спросила она меня, а я, естественно, села рядом с ней.

– Что – уже?

– Сбылось?

– Нет еще.

– Так что же ты сюда приперлась? – сердито спросила она.

Мне это даже понравилось.

– Бабушка, я Зелиала видела, – прошептала я ей на ухо.

– Ну! – обрадовалась моя замечательная бабуся. – А ну, на кухню, на кухню! Там все расскажешь!

Мы выбрались из-за стола.

И я ей рассказала действительно все – про поединок демонов над свежей могилой, про странные разговоры об ангеле справедливости, про договор и, наконец, про то, что я в растерянности – знаю, что милиция нам с Сонькой не поможет, а сама и рада бы, но не представляю, с какого конца взяться за дело.

Баба Стася заставила меня еще раз и с подробностями рассказать всю Сонькину историю и описать место действия.

– Проще простого! – авторитетно объявила она, подумав с минуту. – Живут в том доме старухи аль нет?

– Какие старухи? – изумилась я.

– А бабкины ровесницы.

– Какой еще бабки?

– Не соскучишься с тобой, подружка, – совершенно по-молодому преподнесла мне баба Стася. – Сони твоей семья как разменялась? Добрые люди бабушку к себе век доживать взяли, а в ту квартиру Соня вселилась, ведь так?

– Поняла, поняла! – обрадовалась я. – Только как мне тех старушек допрашивать? У меня ведь такого права нет.

– Допрашивать, права нет! – передразнила меня баба Стася. – Экие у тебя слова нечеловеческие. А мы их не допрашивать, а попросту спросим. Ведь знают же они, с кем соседка встречалась, кто к ней в гости ходил, а иным часом и жил у нее. Все на квартире завязано, помяни мое слово. Соня твоя никому, пигалица, не нужна.

– Это точно, – я вспомнила следователя, внутренне сопротивлявшегося моему потоку информации. – И даже хорошо, что она в милицию идти не захотела. Как бы она там нарисовала мой вылет из окна? А? Ее бы точно в дурдом увезли!

– А что, видела она, как ты перекидывалась? – забеспокоилась баба Стася. – Это уж вовсе ни к чему!

– Нет, я ее в комнату отпихнула, она даже на пол, кажется, села. Она уверена, что я по стенке со второго этажа сползла!

Баба Стася хихикнула в кулачок.

– А ведь сползла бы! – давась смехом, прошептала она. – Ох, сползла бы! Кабы я перекидываться не обучила!

– Наивная, она, Сонька, – объявила я. – Ей что угодно можно внушить.

– И такую ты в подруги выбрала?

– Да нет, это она меня выбрала...

– ...и присушила? Другие-то подруги есть иль нет?

– Обхожусь.

– А мужик?

– Обхожусь.

– Да-а... – помрачнела баба Стася. – Мы все хоть детей родили, кроме Ренатки, у той бутылки с какой-то заразой в лаборатории заместо дитяти. Отказалась бы ты от этой затеи, пока не поздно. А договор Зелиал порвет или сожжет. Ты не смотри, что он нечистая сила. Он добрый.

– Это я, бабушка, уже заметила.

– Снился он мне, Зелиал, – призналась баба Стася. – Хоть и не мужик, а нечисть, нежить, непонятно как устроенная. Молодая была, тридцать аккурат стукнуло. А мой с войны не вернулся.

– Поздно мне отступаться, баба Стася, – сказала я. – Если отступлюсь, мне уже никогда покоя не будет.

– А хочешь, я все это заместо тебя сделаю? – тут у бабы Стаси даже глаза вспыхнули. – Все равно греха уже на душу взяла, ну, еще и за твой грешок отвечу. Ты не беспокойся, я все по-умному сделаю и так твоего насильника проучу – не обрадуется. И ты будешь спать спокойно.

Я задумалась. В чем-то старуха была мудрее меня – это я уже сообразила.

– И с чего же ты, бабушка, начнешь?

Она задумалась.

– В разведку пойду! – вдруг объявила она. – Как юный партизан! Вот твое дело молодое, тебе некогда кости греть на солнышке. А состаришься, и главное у тебя удовольствие будет – все дела переделав, на солнышко к подружкам выбраться. Подружки-то – они тоже старенькие, в кино не побегут, а соберутся на скамеечке и неторопливо так беседуют, а сами все замечают. Ну, перевернут чего, это случается. Ну, на детей жалуются без меры, вот этого не терплю. Что же ему, дитяти, всю жизнь за твою юбку держаться да твоим мелким умишком жить? Так ты

его заодно с собой на лавочку усади и веревкой привяжи, чтобы все бабьи бредни слушал да терпел!

Видно, это были воспоминания о недавней бурной дискуссии на лавочке. Не иначе, соседки проехали по молчанию пятерых «малых», а баба Стася разбушевалась, и тут уж досталось и правому, и виноватому.

– Так что полетели в разведку! – вдруг решительно объявила баба Стася и принялась отворять кухонное окно.

– Как, сразу?

– А чего тянуть? Успеть надо, пока ящик работает.

– ???

– Ну, пока он работает, все в него уставятся, тарашатся и чай прихлебывают. А как все программы кончатся, люди спать ложатся. Пока они в ящик глядят – они для отвода глаз самые подходящие. Ну, давай, перекидывайся. И я за тобой следом.

Бабкин азарт передался мне. Но, пока я перекидывалась, на кухню вошла Анна Анатольевна с пустыми тарелками.

Увидев на подоконнике живую ворону, она от неожиданности попятилась.

– Станислава Игнатьевна! – воскликнула она, глядя, как баба Стася ведет по себе руками и берется за плечи.

– Что Станислава Игнатьевна? – осведомилась баба Стася. – Полетаем, воздухом подышим, как раз к коронному блюду вернемся! Ты только, Аня, окно не запирай!

Тут баба Стася живенько перекинулась, мы снялись и полетели.

Сонькин дом мы облетели со всех сторон, заглянули во все окна, но нигде не нашлось искомой старушки – видно, они уже спали. Баба Стася покружила над двором, над дорогами ее сердцу лавочками, и на сей раз безошибочно вычислила, где может обитать приятельница интересующей нас помирающей бабули. С первого захода мы опустили на нужный подоконник.

Там, как в сказке, сидели за столом дед да баба, только вместо курочки Рябы верещал и кудахтал телевизор. Если бы не видела своими глазами – никогда не поверила бы, что дед да баба могут наслаждаться концертом рок-музыки, пусть и с приглушенным звуком.

Говорили они при этом о ценах на картошку магазинную и рыночную, а также анализировали причину разницы в этих ценах.

К нашему счастью, окно было открыто, и на улицу ускользнул край занавески. За нее мы и спрятались.

– Слушай, мать, давно я не видал ту твою подруженьку ненаглядную из дома напротив, – вдруг сказала баба Стася, невзирая на птичий облик, совершенно человеческим и своим голосом. – Жива еще, а? Что-то на похороны тебя вроде не звали. Болела она, что ли?

– А вот не знаю. Как ее дочка с внучкой забрали к себе, так я и след потеряла. А болеть она болела, – согласилась почтенная соседка, наливая себе чаю.

Дед, который спрашивал совсем о других событиях, ошалело уставился на супругу. Баба Стася воспользовалась его молчанием.

– Я почему спросил – внука ее на днях встретил, – заявила баба Стася. – На улице, у ларька.

– Нет у нее внука, – возразила соседка. – Две девочки были, трех внучек ей родили, а внука не было!

– Как не было? – продолжала блефовать баба Стася. – Высокий такой мужчина, приходил к ней. Или не помнишь?

В это время дед явственно сказал: «Да ты что, старая? Какие еще, к бесу, внуки?!» Но на шевеление его губ наложилось слова бабы Стаси, которые соседка воспринимала, как видно, в мужском грубоватом и басовитом исполнении.

Я впервые видела, как отводят глаза, и просто любовалась уверенностью и артистизмом бабы Стаси. Это был совершенно очаровательный блеф.

– Так это не внук! – обрадовалась тому, что ситуация прояснилась, соседка. – Это младшей сестры ее сынок. Сестру Бог наказал – с сыном одно горе. Когда не в тюрьме, так в нее собирается. С детства от рук отбился. Сестра его и принимать не хочет, так он к тетке подлизался. Надеялся – пропишет, а она, видать, не успела.

– И как же она его, подлеца, в дом не боялась пускать? – выразила негодование баба Стася.

Дед тоже выразил негодование – хватил кулаком по столу. Думал, видно, вывести спутницу жизни из транса. Но оба негодования замечательно совпали.

– Чего же бояться? – даже удивилась соседка. – Он же к ней с добром. Дров однажды машину пригнал. Денег давал. Он у нее и ночевать оставался. Она его жалела.

– Жалеть его, гада! – проворчала баба Стася. – Стрелять таких надо! Подлей-ка в заварочник кипяточку.

С этими словами она спорхнула с подоконника. Я полетела следом.

Военный совет мы устроили на ближайшем заборе.

– То же самое узнал бы любой салага-лейтенант, если бы ему поручили взять показания у жильцов Сониного дома насчет прежних обитателей квартиры, – со злостью констатировала я. – Это же элементарно!

– Элементарно, Ватсон! – согласилась лукавая баба Стася.

– Ну, я не сообразила, что в это дело замешана бывшая хозяйка квартиры, но они-то должны были покумекать, почему эта сволочь так старательно пытается туда забраться! – продолжала бушевать я.

– А почему она старается туда забраться? – задала баба Стася, в сущности, мной же поставленный вопрос. – Что племянничек там ищет? Что он там забыл?

– Или спрятал!

– Или спрятал, – согласилась баба Стася. – Ну, милиция-то могла бы узнать, когда его в последний раз посадили и когда выпустили, ей это легче, чем нам с тобой. Но я так понимаю, что когда его сажали, тетка еще жила в квартире, а когда он вышел, ее уже забрали родственники. Он приходит – а там чужой человек. Что тут станешь делать?

– Мог бы ключи подобрать и залезть, пока Соня на работе, – предложила я самый гуманный вариант.

– Если ключи старые, то их не так просто подобрать, – заметила баба Стася. – А выбить эту дверь, сама говорила, невозможно. На века сделана.

– Но душить ни в чем не виноватого человека?.. – все-таки это до сих пор у меня не укладывалось в голове.

– Из-за связки ключей на полчаса? Ох, милая ты моя, из-за буханки хлеба убивали, из-за махорки пачки... Видно, спрятанное того стоило.

Я отшатнулась. Со стороны выглядело, наверное, забавно – ворона на заборе ни с того ни с сего шарахается от другой вороны, да еще и машет на нее крылом. И все это – в то время, когда вороны давно спят.

– Опять же, – продолжала баба Стася, – люди есть разные. Вот ты, к примеру, в таком положении вежливо бы днем явилась – так, мол, и так, бывшая хозяйка прислала, пакетик в тайничке позабыла. А если человек весь век по тюрьмам, то он иначе просить не умеет, как кулаком. Он уже не так устроен, как мы с тобой. Может, сам по себе он еще и не так уж был плох, – а тюрьма всякого погубит. Еще никто оттуда лучше, чем был, не возвращался. Хуже – это да, это бывало.

Баба Стася говорила общеизвестные вещи. При нужде я и сама кому угодно наговорила бы таких прописных истин. Да, люди от природы разные – истина первая. Да, для уголовника

лучший, если не единственный способ без затруднений побывать в квартире – придушить на полчасика хозяйку и взять ключи. На то он и уголовник. Абстрактно все эти истины я знала. Когда увидела их в конкретном применении – не желала верить собственным глазам.

– А дальше все совсем просто. Ты ладошками тепло и холод чувствуешь? – вдруг спросила баба Стася.

Не знаю, как насчет тепла и холода, но какие-то странные способности у меня есть. Мне приходится иногда массировать бегемотиц – так, на скорую руку, когда они чего-нибудь потянут или остеохондроз даст себя знать. Однажды прямо на тренировке у одной бегемотицы отнялась левая рука. Шуму было! Единственное во всей медицине, в чем я ориентируюсь, – это массаж. Я прикрикнула на свое стадо, чтобы не кудахтали – мол, это все минутное дело. И стала массировать бесчувственную руку. Результата, конечно, не было никакого. Я вспомнила старое правило – массаж при травме нужно вести выше места поражения. Определила границу чувствительности и принялась мять плечо и спину. Тут оно и случилось. Где-то под лопаткой я ощутила как бы бугорок. Он вырос и принял верхушечкой к кончику моего пальца. Я с силой нажала на него, загоняя обратно в спину, и тут моя пациентка заверещала – по руке мурашки побежали, да еще какие свирепые! Так и должно быть, ответила я, продолжая растирать ее левую лопатку и жать на бугорок. Мурашки – это было замечательно! Через минуту чувствительность в руку вернулась полностью, а бегемотицы уставились на меня с религиозным почтением. Вообще они удивились меньше, чем я сама. Потом я не поленилась и проконсультировалась у знакомого врача. Оказывается, я набрела на точку с китайским названием, отвечающую за остеохондроз. Потом я таким же методом тыка нашла на бегемотицах еще несколько точек – в общем, что-то мои пальцы чували.

Эту историю я рассказала бабе Стасе, и она успокоилась.

– Значит, и без меня найдешь спрятанное, – сказала она. – Могла бы я тебе помочь, да только лучше привыкай сама.

– А ты, бабушка, научишь меня глаза отводить?

– Этому обучу. Невелика наука. А теперь полечу-ка я к подружкам досидеть.

– Зачем, бабушка? Скучно же тебе с ними!

– А ты не понимаешь? Все мы одним грехом повязаны, все душу дьяволу продали, хоть и с добрым намерением. Вот сидим мы вместе – и вроде не так нам страшно. А отколется кто-нибудь одна – других сомнение возьмет, не нашла ли она ход к спасению да не спаслась ли тайком от всех? Нет, лучше уж честно сидеть с этими бедолагами.

– А ты сама – разве не боишься?

– Ну, побаиваюсь... Так ведь я хитрая! Я ведьмовской дар получила, чтобы зерно из колхозного амбара незаметно украсть, а потом его на добрые дела пустила. И опять же – я по справедливости это зерно взяла, не может быть, чтобы человек всю весну и все лето спину горбил, а ему за это – горсточку на трудодень. Все зачтется! Я же не сижу за пирогами и не жду околеванца! Помяни мое слово – выручит нас всех Зелиал. А то еще, может, своего ангела справедливости найдет. Совсем ладно будет.

Она вздохнула.

– Встретились мы тогда – я молодая, он вроде бы тоже. Запал в душу! Никому не говорила, засмеют, а тебе скажу. Ты не больно смешливая. И вот сколько лет прошло – я седая, старая, а он – все такой же. Погляжу на него – словно и лет этих не бывало.

Баба Стася замолчала.

– Всякое у меня в жизни было. И мужу верности не соблюла, не то, что другие. Полсела у нас вдов было. Иная так до смерти и блюла, это я доподлинно знаю. А я – нет. И вот теперь могу тебе сказать, одна у меня была думка – уж если не он, нечистая сила, бес треклятый, так пропадай моя телега, все четыре колеса! Диковинно, правда? Ну, ладно уж, лети! Лети!..

* * *

Каждую ночь это повторяется – из-под земли вырастают белые тени, вся радость которых отныне – полет и справедливость.

Давным-давно умерли и Теофиль Готье – поэт, и Карлотта Гризи – его синеглазая подруга, танцовщица, и Жюль Перро – танцовщик, которого она тоже когда-то любила и который сочинил ей танцы. Те трое, тот извечный треугольник... Они и не знали, что угадали правду.

А я это знаю. И до них каждую ночь виллисы во главе с повелительницей Миртой неслись над землей. И после них несутся. Они лишь развели в стороны пару дев с гипсовыми лицами и в неживых веночках, чтобы поставить между ними еще одну – Жизель. И все изменилось – милосердие стало расшатывать изнутри непоколебимую справедливость виллис. Правда, Жизели удалось спасти лишь одного человека – именно того, кто, на мой взгляд, и не заслуживал спасения из ее рук. Только одного...

Но она летит вместе с ними, она среди них – воплощенное сомнение. А вдруг белая справедливость не безупречна?

И потому их танец прост, а ее танец – загадка даже для нее самой. Она никогда не знает, как станцует будущей ночью. Потому что неизвестно – кто встретится на пути.

* * *

Это оказался пистолет.

Я нашла его на кухне.

Когда здесь установили газовую плиту, то обычную дровяную не убрали. Решили – если хозяйка захочет, вызовет мастеров, они разберут это чудище, заодно и целый угол на кухне высвободится. А хозяйке было не до того. И плита ей не мешала. Так она и достояла до появления Сони. А у Сони тоже до нее руки не дошли.

Коробка с пистолетом и патронами была засунута глубоко в топку – точнее, даже не в саму топку, а в пространство под ней, куда сквозь решетку проваливается зола. С меня семь потов сошло, я квартиру раз десять обошла по периметру, растопырив пальцы и скользя ладонями по всем стенам, на всякой высоте. О печке я подумала в последнюю очередь – еще и потому, что, как положено комфортабельной горожанке, не представляла ее внутреннего устройства. К тому же я не знала, что искала. И не подозревала, что туда можно затолкать такую большую коробку.

Когда мои руки ощутили холод, я подумала, что это холод от кирпичей и от тяжелых чугунных колец, обнаруженных под клеенкой. Вот что сбilo меня с толку. Ведь в первый раз я прошлась только по верхней поверхности плиты. И лишь к концу поисков додумалась обследовать ее бока.

Струя холода оказалась настолько сильной, что я сразу полезла отворять топку. Ну и перемазалась, конечно, как черт.

Это был, мне кажется, «макаров». Мы еще в школе стреляли из «макарова», и я выбивала не меньше восьмидесяти пяти. Заряжать его я тоже умела.

И вот я зарядила этот пистолет и стала расхаживать по Сонькиной квартире, играя то ли в ковбоя, то ли в гангстера. Я воображала, что сзади раздался шорох, и мгновенно оборачивалась уже со вскинутым пистолетом. Мне безумно хотелось сделать хоть один выстрел – у нашего школьного «макарова» был изумительно плавный спуск, пуля вылетала от одного намека на прикосновение, и я научилась этим пользоваться. Пистолет был все-таки тяжело-ват для моей руки, и я слегка его качала вверх-вниз, стреляя при мгновенном совмещении

мушки с центром мишени. Но тут я угодила в собственную ловушку. В Сонькину квартиру-то я попала через окно и убраться отсюда могла только в вороньем виде. А как унести пистолет с коробками патронов? В клюве? Даже если хватит силенок – меня же собьет камнем любой мальчишка, увидевший это странное зрелище. Так что оставалось спрятать находку на прежнее место, дожидаться во дворе Соню и умудриться вынуть оружие незаметно уже в ее присутствии.

Мы договорились, что она придет к пяти. Без трех пять я вылетела из окна, в пустой подворотне перекинулась и кротко села ее ждать.

Прождала до шести.

Сонька пришла совершенно невменяемая.

– Ну, что еще случилось? – спросила я.

– Таня Бочкун пропала. Уже третий день дома не ночевала, – взволнованно сказала Соня. – Я бы таких родителей стреляла! Собственными руками!

Оказалось – мать сгоряча выгнала из дому двенадцатилетнюю дочку из-за какой-то ерунды – то ли немытого пола, то ли немытой посуды, вспомнив при этом и прошлые грехи, вроде двойки по литературе и потерянного кошелька с десятью рублями. Девочка, видно, была упрямая, и мать с этим упрямством уже сталкивалась, потому и сорвалась на скандал.

Она подняла тревогу только на следующий день – была уверена, что дочка ушла ночевать к бабушке. Но у бабушки Таня не появлялась. Тогда начались бестолковые поиски – у подружек, давным-давно проживающих на дачах, у дальних родственников, к которым девчонку приходилось затаскивать в гости под страхом репрессий. Наконец, обессиленная мать оставила заявление в милиции и побрела в школу – искать классного руководителя. Как будто Сонька могла хоть чем-то помочь!

И вот тут я ошиблась.

У Соньки оказалась знакомая – на телевидении, в «Новостях». Она пообещала, что фотографию девочки покажут в вечерней программе. Сонька потому и опоздала, что возила туда эту фотографию.

Мы наскоро перекусили вместе, и я потащила Соньку на тренировку. Насчет желудочных колик у Соньки я не беспокоилась – не такой человек, чтобы перетрудиться в зале! Кое-каких результатов она, конечно, достигла, а потом немедленно дала себе послабление.

Мы шли по городу – слева у меня находилась Сонька, а справа – спортивная сумка. Наверху в ней лежала коробка с патронами и заряженным пистолетом. И я мечтала – ну, появишься только, маньячок! Ну, появишься! Посреди улицы я срежу тебе клок волос метким выстрелом! Или ухо. Ну, появишься только – не обрадуешься!

После тренировки я планировала забрать Соньку к себе ночевать. Даже ужин заранее приготовила – начистила картошки и оставила ее в кастрюле с холодной водой, чтобы прийти – и сразу поставить на огонь. Вареная картошка с творогом и сметаной – это замечательно.

Но домой мы попали довольно поздно. Одновременно с нами в соседнем зале качаются атлеты – ну так их тренер сдуру запер моих коровиц в душе, а сам ушел с ключом домой. Пришлось преследовать.

Покормив и уложив Соньку, я пошла принять ванну. Без ванны на сон грядущий я – не человек.

Тут и появился Зелиал.

Самое интересное – я нисколько не смутилась. Возможно, еще и потому, что была по уши в пенке. Ванна с пенкой – одна из немногих моих радостей.

– Добрый вечер, – сказал Зелиал. – Я проститься пришел. Теперь меня долгое время, возможно, не будет.

– Куда же вы собрались?

Он присел на край ванны.

– Трудно объяснить. Намекнули мне, что один маг вроде бы умеет вызывать ангела справедливости! Вот, лечу искать мага. Правда, неизвестно, что из этого получится. С магами держи ухо востро. Поэтому я вот что решил сделать...

Из-под плаща он достал стопку разноформатных листков. Сверху лежал мой договор.

– Гори они синим пламенем! – стараясь казаться беззаботным, воскликнул Зелиал. – Семь бед – один ответ!

И пламя действительно было синим.

Пепел он аккуратно стряхнул в раковину и залил водой.

– А я пистолет нашла, – похвасталась я. – Руками почувствовала! Потом, когда коробку в руки взяла, сквозь промасленную бумагу увидела.

– Руками – это баба Стася научила? – спросил он. – Хорошая бабушка. Я ее еще молодой помню. Обязательно ей скажите, что я договор сжег. Пусть вздохнет спокойно! И еще скажите такие слова – она свое уже получила. Если по справедливости – то уже получила, и пусть больше ни о чем не волнуется.

– Что-то мне ваш голос не нравится, – забеспокоилась я. – Вы что-то такое затеяли...

– Да, – честно сказал он. – Я не знаю, что из этого получится. Поэтому всех отпускаю на свободу. Так будет лучше всего. Они отстрадали. А если за кем-то и остался еще маленький долг – жизнь взыщет. Вот только за вас обидно. Не успел помочь. Даже не придумал еще, как помочь.

– Я сама справлюсь, – гордо ответила я. – Теперь у меня есть пистолет! Я найду его и так припугну, что не обрадуется!

– Вообще-то огнестрельное оружие следовало бы сдать в милицию... – неуверенно заметил Зелиал.

– Вот когда моя милиция будет меня беречь и защищать, я пойду и сдам пистолет, – пообещала я. – Честное слово!

И он понял, что это будет еще не скоро.

– Поосторожнее с ним все-таки, – попросил демон.

– Ничего, я умею. И ни один патрон даром не истрачу.

Зелиал улыбнулся, протянул тонкую, голубоватой бледности руку и вынул из моего узла свое черное перышко.

– Забираете? – растерялась я.

– Да в нем теперь, пожалуй, уже никакой колдовской силы не осталось, – усмехнулся демон. – Разве что оставить на память?

– Оставьте, – попросила я его. – Хоть такая память...

– Если вам угодно... – он сунул перо обратно в узел и установил его там торчком, как у индейского вождя. Это прощальное веселье и баловство грустного демона очень мне не понравились. А когда он провел холодной ладонью по моему лбу и щеке, стало совсем странно. Как будто эта ласка разбудила меня спящую, и оборвался сонный бред, и вокруг был мой хороший утренний мир, и вообще все стало хорошо.

– Вот так, – непонятно почему удовлетворенным голосом сказал Зелиал. – А теперь я лечу. Мне нужно в строго определенную минуту уйти в иное пространство. Там все построено на игре совмещений, видите ли. Если я пропущу совмещение этой ночи, то другое долго рассчитывать придется. Удачи вам!

– И вам удачи! – воскликнула я, приподнимаясь по грудь из ванны. Я поняла, что если не обниму его сейчас, то удачи никакой не будет! Но он уже обратился в столб тумана и стал втягиваться в щель между вентиляционной трубой и стенкой.

Мне надо было в тот момент, когда его пальцы скользили по моему лицу, поцеловать его руку! Вот что я вдруг поняла, хотя еще не могла осознать, почему бы.

Уютная ванна потеряла для меня всю прелесть. Я встала и включила душ. Мне надо было смыть с себя что-то этакое – не грязь, разумеется, я вообще до жути чистолюбива, а как будто пленку. Взяв головку душа в руки, я лупила себя со всех сторон тугими струями, и уходило что-то надоевшее, застарелое, лет примерно восемь мешавшее мне жить.

Ощущение пробуждения – иначе я не могла назвать свое новое чувство. И это даже озадачило меня – пробуждение нашло когда являться, во втором часу ночи! И придется мне теперь ворочаться рядом с Сонькой. Я вообще не терплю посторонних в постели, разве что в исключительных случаях. А теперь все сложилось вместе – и прощай, сон! До рассвета промучаюсь, не иначе.

Но вышло совсем не так.

Я легла. Сонька под своим одеялом была такая теплая, что я это резко ощутила и умилилась. Мне захотелось, чтобы рядом, и не за двумя одеялами, было живое тепло, к которому в любой миг можно приникнуть. И я удивилась – как же я жила все это время? А главное, зачем и почему я так жила? Заставили меня, что ли? Почему я даже не пыталась внести в свою жизнь тепло? Откуда взялось упрямство, породившее в недобрую минуту мое вечное заклинание: «Я никому не нужна, но и мне никто не нужен!»

Рядом была Сонька, всего лишь Сонька. Если бы рядом был пес или кот, я все равно бы задумалась о природе и свойствах живого тепла. И, возможно, додумалась бы до того, что самое сильное, мощное, густое тепло возникает под мужской ладонью на женской щеке. Даже если эта ладонь прохладна, как ночной ветер.

Но я неожиданно для себя уснула, привалившись к Сонькиному боку, а когда проснулась – она уже вылезла из постели, сидела на краю, кутаясь в одеяло, и с интересом на меня смотрела.

– Доброе утро, – сказала я.

– Доброе, – согласилась Соня. – Я сейчас на тебя смотрела и удивлялась, как человек во сне меняется. У тебя же вечно такое лицо, будто ты готова всех перекусать. А во сне – ну ни капельки.

– Это была не я, – странное подозрение смутило меня.

– Не просыпайся, – попросила Соня. – Я сама чай заварю и бутерброды намажу, ты только не просыпайся.

– Я уже проснулась.

– Тогда все это очень странно...

В Сонькиных словах вроде не было ничего удивительного – ей от меня немало доставалось, сперва на тренировках, потом за пределами зала. Я особа языкастая. Невзирая на это, она умудрилась понемногу привязать меня к себе. Видно, готова была терпеть мою кусачесть ради ощущения надежного, чуть ли не мужского плеча. Именно так я всегда понимала наши отношения.

Но сейчас они вдруг оказались совсем иными, и я даже не могла нащарить слов, чтобы объяснить их самой себе.

Я встала и подошла к зеркалу.

И мне не удалось сосредоточиться, чтобы встретить спокойный, уверенный и внимательный взгляд оттуда. А уж придавать лицу спокойствие я научилась вроде бы давным-давно.

Точно какую-то пленку унес на своих ладонях Зелиал. Мне не удавалось натянуть маску. Это раздражало. А когда я понемногу, словно сон из кусочков, сложила свой разговор с демоном, то стало мне совсем кисло. Я поняла, в чем дело, – это прощание выбило меня из колеи.

И потому я вся устремила к единственному человеку, перед которым могу сейчас выговориться, – а такой потребности у меня не было, пожалуй, с юности. Меня понесло к бабе Стасе – причем я же совершенно не знала, где и как ее искать!

Спровадив Соньку, я устремила туда, где меня ждали лишь по вторникам.

Анна Анатольевна открыла мне дверь, и я впервые увидела ее улыбающейся. Она была растрепана, в халате и босиком, даже без тапочек.

– Вы меня разбудили! – объявила она, хотя был уже одиннадцатый час. – Заходите! Завтракать будете?

Я окинула взглядом прихожую, случайно заглянула во все распахнутые двери – в ванную, кладовку, на кухню, – и все поняла. В прихожей стояли два чемодана, на вешалке висело летнее мужское пальто, в ванной на видном месте стоял таз с замоченными рубашками, а на разложенном диване, который я углядела сквозь портьеры, спал высокий крупный мужчина, седой и с лысиной.

– Муж вернулся! – поймав мой взгляд, с гордостью сообщила Анна Анатольевна. – Выставила его молодая-то. Вот – жить будем...

Я спросила адрес бабы Стаси и быстренько исчезла.

Бабу Стасю я обнаружила на лавочке перед подъездом. Она читала соседкам письмо от дочери. Увидев меня, она быстренько свернула свой бенефис, сделала знак, и мы поднялись к ней в гости.

– Так и думала! – воскликнула она, когда я передала ей прощальные слова Зелиала. – Умница он и добрый. Где-то в глубине души верила я, что он всех нас на свободу отпустит, да и карает не за грехи наши глупые, а за мысль – душу нечистому продать. Да за само желание душу свою навеки погубить уже карать надо!

– Так что, бабушка, – вернула я ее от философских мыслей на землю, – придется мне теперь без него разбираться со своим маньятком. Он это знает и не возражает. Ты все грозила обучить меня глаза отводить – ну, давай, я готова.

Баба Стася задумалась.

– А ведь не могу! – растерянно сказала она. – Ей-богу, не могу! Забыла! Словно и не умела никогда! Стой... поняла! Это же он договор сжег, и все силу утратило – и наша купля-продажа, и плата за душу с ней вместе!

Тут и меня охватило отчаяние. Из этого следовало, что и я лишилась всех своих способностей! Хотя – проник же мой взгляд сегодня сквозь портьеры?

– Баба Стася, а перекидываться?

Она неуверенно провела по себе руками.

– Перо! – вдруг воскликнула она, шаря в волосах. Но пера не было.

– И такой памятки не оставил... – пригорюнилась баба Стася.

– Мне оставил, – и я достала из узла свое заветное перышко, – Вот...

Баба Стася внимательно его рассмотрела.

– А ну, перекинься! – вдруг велела она.

Я сунула перо в волосы и мгновенно обернулась вороной.

– Обратно вертайся, – сказала баба Стася. – Ничего не понимаю. Что ж он тебя-то на свободу не отпустил? Ты же из нас из всех самая невинная!

Я тоже задумалась – и внезапно поняла, в чем тут дело.

– Баба Стася, он-то отпустил! Он только забыл, что мы договор в двух экземплярах составили! Как полагается! Свой экземпляр он сжег, но мой-то, со всеми подписями, цел! Ясно?

– И не сожжешь? – пристально глядя мне в глаза, спросила баба Стася.

– Нет. Такой глупости не сделаю.

– И я бы не сожгла, – призналась она. – Будь что будет, а не сожгла бы. Но раз он так решил, раз он меня отпустил... Ладно. Все равно стара и хворобы одолели. А ты молодая еще девка... такой и останешься.

– Гадаешь, баба Стася?

– Чего гадать – вижу. Хоть бы и потому, что договор не сожгла. Выбрала ты себе дорожку – круче некуда, на такой дорожке не стареют.

– Откуда ты знаешь, бабушка?

– Сама хотела той дорожкой уйти. Каб не малые... да каб не сам Зелиал, бес треклятый...

А ты ступай, ступай, лети...

Она гнала меня прочь, как тогда, с шабаша. Но теперь уж, похоже, навсегда. И я поняла – гонит меня не уютная старушка во фланелевом домашнем платице, а та молодая да пригожая Станислава, которая уложила спать своих пятерых и вышла на порог, глядеть в ночь и ждать – не встанет ли из земли столб дыма и тумана, не обрисует ли в нем силуэт, не улыбнутся ли ей печальные глаза милого демона... И я поняла – это в нас неистребимо, и всем нам вечно будет столько лет, сколько было в эти часы ожидания.

* * *

Каждой ночью, каждой ночью – все в том же полете... Не сходят ли от этого с ума? Не начинает ли мерещиться чушь? Как только выдерживают души умерших невест этот неизменно повторяющийся полет? Мы, земные невесты, можем уйти в смерть. Им-то где спрятаться и залезть в раны?

Что утешает их в этом полете? Не может быть, что лишь абстрактная до белизны идея высшей справедливости. Что греет их, кроме обязательного лунного света? И если даже каждую ночь выдумывать для себя новый танец, то на миллионную ночь фантазия иссякнет.

Что такое наши понятия о долге и справедливости на фоне вечности? И радость, растянувшаяся на вечность, даже если это радость летящего танца и танцующего полета, – нужна ли кому?

Тот, кто тысячелетиями был демоном справедливости, – и то устал, затосковал, измучился сомнениями. Постойте! Как же назвать существо, в котором за сотни лет не зародилось сомнений? Человеческая ли это душа – та, что летит над землей с белой лилией невинности на груди? А если нет – то чья же? Даже зверь обретает опыт милосердия, и к старости его клыки и когти не так бесшабашно резвы, они делаются осторожны, они не тронут звереныша чужой породы, не причинят вреда даже в игре. Даже звериная душа изменится за столетия ночных полетов.

Чего же тогда хотеть и о чем мечтать?

Если не блаженство бесконечного танца, если не радость полета, то что же?

* * *

Я спешила домой, потому что забыла заказать для Сони ключ и занести его в школу. Она знала, когда у меня кончаются тренировки, и наверняка уже ждала меня на лестнице.

Соньку в школе просто эксплуатируют. Издеваются над ней, как хотят. Сдвинули ей отпуск, и вот она сидит в хорошую погоду в городе и решает проблемы ремонта. С ее организаторскими способностями это совершенно непосильная задача. Умные люди, наоборот, держали бы ее подальше от таких ответственных дел. Но дуры-учительницы обрадовались, что есть на кого свалить эти хлопоты. И умотали кто куда. Наивные дурочки, воображаю, как вы обрадуетесь, вернувшись из отпуска! Сонька не в состоянии проконтролировать ни халтурщиков-маляров, ни хитрых сантехников!..

Увидев снизу ее на подоконнике, я так и ждала жалоб с причитаниями насчет ремонта. Но Соньку волновало совсем другое.

– Скорее к телевизору! – завопила она. – Я у Бочкунов была, эта мамаша – краше в гроб кладут! Тани нет как нет! Сегодня по телевизору будут показывать портрет.

– Так ведь уже показывали!

– В том-то и дело, что нет! Я сегодня все бросила, понеслась на телестудию, час там зря потратила, порядка у них – ни на медный грош!

Гм... Сонька, рассуждающая о порядке... Что-то новое!

– Беги, включай, а я на кухню, – отворяя дверь, сказала я. – Сырники будешь есть?

– Черта с рогами съем! – пообещала Сонька.

Я стала выкладывать на кухонный стол пакеты, в том числе и странный сверток, который таскала за собой сперва с мальчишеской гордостью, потом с недоумением – ну и что? Это был «макаров», замотанный в цветной пакет, но так, что я могла прямо сквозь пакет взять его и выстрелить. Но мало было надежды встретить посреди улицы маньяка, и стрелять в него я все равно бы не стала. Поэтому я к вечеру и перестала понимать, зачем мне пистолет. Вот разве что он догадается напасть на меня – тогда конечно. И даже с удовольствием!

Возможно, я стала бы развивать дальше эту мысль – как я поселюсь в Сониной квартире, как несколько дней буду там маячить, как он врубится и ночью попробует и меня придушить. А главное – как я, не выходя за пределы необходимой самообороны, выстрелю в него самым неприятным образом – в пах. Жестоко, но зато серьезно. А с милицией разберусь очень просто – сама с дымящимся пистолетом пойду сдаваться в прокуратуру и там расскажу всю эту прелестную историю, а также отведу их в квартиру и покажу печку, в которой нашла оружие. Возможно, к моему счастью, оно уже фигурирует в каком-нибудь темном деле, тогда пусть проводят баллистическую экспертизу и радуются, установив причастность к этому делу моего ненаглядного маньячка!

Скелет этой фантазии у меня уже оформился, дело было за деталями, но тут из комнаты завопила Сонька. Я поставила сковородку на конфорку и пошла смотреть, как показывают Таню Бочкун, двенадцати лет, которая ушла из дома в дешевых джинсах, полосатой маечке, кроссовках и с резинкой в волосах, на концах которой – две деревянные крашеные клубничины.

Тут все мои планы полетели в тартарары.

Я увидела ее лицо.

Это была красивая девчонка, светленькая, с кудрявой челкой. Возможно, еще и фотография вышла удачной. Такая милая девчонка – даже в толпе на улице привлекла бы мое внимание. Я не сомневалась, что у нее ладная, стройная, спортивная фигурка. Но дело было не во внешности...

Я не слышала, что еще говорила за кадром дикторша, – с экрана вдруг пошла волна холода, и я приняла ее лицом и грудью. Это было – как будто я нырнула в лед. Я не знала, что означают такие волны холода, а догадка, которая пришла внезапно с волной, во-первых, была всего лишь догадкой, а во-вторых, настолько страшной, что я непроизвольно оттолкнула ее, всеми силами отказываясь принять.

Но если поверить этому озарению – то ребенок погибал! Девочка погибала мучительной, страшной смертью, если только это уже не свершилось!

Стоять и смотреть в телевизор было невозможно.

Я вдруг ощутила в себе что-то вроде компаса. Стрелка, подергавшись, легла на верный курс. Я знала, что если идти направо, под углом градусов в двадцать к плоскости своего тела, то я найду источник этого холода – я найду девочку!

Ничего не говоря, я кинулась на кухню, схватила пистолет, размотала его и выбежала из квартиры.

Если бы я перекинулась, то летела бы стрелой, не обремененная изгибами улиц и переулков, прямыми углами кварталов. Но я не могла и не хотела бросить пистолет. Он мог понадобиться, он должен был понадобиться!

Доверившись внутреннему компасу, я бежала, срезая по возможности все углы, пересекая улицы по диагонали. Когда какой-то шофер, высунувшись из машины, обругал меня,

я сунула ему под нос пистолет. Шофер онемел, а я побежала дальше, и лишь через минуту поняла, что чудом вывернулась из-под колес.

И оказалась я в жутком дворе.

По-видимому, здесь раньше была лавка вторсырья. Лавку ликвидировали, но мерзкий запах остался. Двор был без признаков зелени, каменный мешок с деревянными, крытыми облупившейся краской сараями и конурами. Вид у этого двора был совершенно нежилой.

Я стояла у ворот, пытаюсь продышаться, и вдруг вспомнила, что успела заметить на бегу, приближаясь к этим самым воротам. Окна были черные и пустые – даже без стекол.

Дыхание быстро пришло в норму, я могла бежать дальше, если потребуется – даже сквозь этот кошмарный двор. Я была как бусина, что нанизали на струну холода, и я скользила по этой струне уже, видно, помимо собственного желания.

Тут я услышала шаги.

Из-за угла вышел человек.

Нет, не человек – мой маньячок!

Он шел и улыбался. Притом он глядел на меня и в упор не видел. Его явственно покачивало.

Он отряхивал воображаемую пыль с рукава темно-синей куртки. Чувствовалось, что ему сейчас безмерно хорошо, что он просто счастлив, что судьба уладила его и что желать ему больше нечего.

Я настолько ошалела, увидев его, что опустила руку с пистолетом и дала ему выйти в ворота.

Возможно, я даже не поняла толком, что раз здесь он – значит, дело плохо. Я понеслась, как бусина по струне, один конец которой резко переместился вниз.

Струна уходила в подвальное окно – с выбитым стеклом, но накрепко заложенное фанерой. Я пометалась и нашла вход в подвал. На двери висел замок размером со сковородку.

Я догадалась, что замок – одна видимость, иначе как же сюда мог попасть маньячок? Вряд ли у него был ключ. И действительно – замок не был закрыт, стоило дернуть дужку посильнее – и она выскочила из гнезда.

Подвал оказался лабиринтом. Спотыкаясь о разбросанные дрова, стукнувшись об остов велосипеда и о подпиравший потолок брус, я добралась почти наощупь до прикрытой дверцы. Я бы и ее не нашла, если бы не подаренное Зелиалом новое зрение, я бы вообще ничего в этом мраке крошечном не разглядела.

Перед дверцей мне было страшно.

Пролитым эфиром испарялась из меня надежда – а вдруг еще не поздно, а вдруг успею спасти? Я знала, что увижу мертвую девочку, настолько страшный холод шел оттуда, из-за дверцы. И все же, все же!..

На знаю, откуда взялись во мне силы выломать ее. Маньячок придумал какой-то способ запирать ее снаружи, какое-то сочетание грузов и засовов, впотьмах я ничего не поняла. Дверь провалилась вовнутрь.

Девочка лежала на полу. Рядом стояла миска с винегретом, валялся кусок хлеба и огрызок колбасы. Пахло здесь нестерпимо.

Я все поняла – так мгновенно, как будто передо мной прокрутили киноленту. Девочка забрела сюда случайно, она бесцельно бродила по городу, не желая идти к родственникам и не зная, где искать подруг. Взрослый предложил хлеба с колбасой, а возможно, и мороженого. Никто никогда не говорил ей, что нужно остерегаться трезвых дядек с добродушными повадками. И она прожила в подвале три дня... прожила?.. К концу третьего дня это уже не было дитя человеческое, это был истерзанный звереныш. Она уже хотела смерти. И ей было все равно, в каком облике явится к ней смерть.

Зная, что теперь в каждый мой сон будет приходить белокурая девчонка, я подняла пистолет и выстрелила в заложненное фанерой окно. Спуск был чуть туже, чем я рассчитывала, но и с таким я могла довольно метко выстрелить в спину уходящему.

Когда я оказалась у ворот, он был еще хорошо виден. Он не торопился. Он блаженствовал.

– Сволочи... – прошептала я, становясь, как учили в школе, и подводя правую руку с пистолетом к плечу. Я, верно, имела в виду тех, кто должен был сразу ловить и хватать этого нелюдя, пока он не успел натворить серьезных бед, а теперь они же будут мучить меня допросами за то, что я выполнила их дело – избавила мир от сумасшедшего убийцы.

Я вытянула руку. Я навела мушку на его спину. Выстрел должен был ударить между лопаток.

Я сосчитала до трех и... не смогла.

Я не могла. Я не могла.

Я вдруг, перестала понимать, что это – бешеное животное, в котором не осталось ничего человеческого, и преступление – выпускать таких на свободу. Передо мной была живая жизнь – и я не смогла...

То женское во мне, которое было предназначено жалеть, спасать, ласкать, обихаживать, любить – встало на дыбы. Нажав на спуск, я перестала бы быть женщиной! Я стала бы одним из существ, способных отнять жизнь, которую не они дали.

Я не смогла.

Он уходил.

Я поняла, что грош мне цена со всеми моими благими порывами. Нечем мне защитить Соньку, моих бегемотиц, – даже себя. Если бы я увидела его в подвале, над телом девочки, только что снявшего тяжелые сомкнутые ладони с ее шеи – возможно, я выстрелила бы, даже не подумав.

Но спокойно целиться в спину уходящему...

Я отбросила пистолет. Он был мне ни к чему.

Ярость, которую я уже несколько раз за эти дни извела, стала закипать во мне. Черная кровь ходила по артериям и венам и ей было тесно. Она требовала, чтобы я переступила порог, а я не могла.

Кровь действительно закипела. Она бросалась к коже и откатывала назад для нового броска. Нестерпимый жар жег меня изнутри. Ярость просилась на свободу.

– Ну и что ты будешь делать?.. – спросила я собственную кровь.

– Увидишь! – ответила она.

Я впилась зубами в кожу запястья и рванула ее.

Струя черной крови медленно сползла по моему бедру и потекла по камням. Она делалась все толще, все круглее, а я была захвачена новыми ощущениями – сперва стало безумно жарко лицу, потом в голове и груди возникла пустота. Им было легко, как будто я понемногу выныривала из вязкой противной жидкости. Круглая струя на камнях наливалась блеском и медленно отползала, давая место последним вытекающим каплям крови.

Страх не было. Он не возник и тогда, когда я поняла – это не струя, это рожденная во мне змея. Она, будто ждала моего озарения, подняла голову и посмотрела мне в глаза.

Это было сильное, мощное животное в руку толщиной и с меня ростом. Взгляд был спокоен и неумолим. Это была та я, какой воображала себя, – способная творить справедливость.

Я кивнула ей, и она поползла – все быстрее, все быстрее. Она шла по следу. Убийца уже давно скрылся за углом – скрылась за тем же углом и она.

Я опустилась прямо на камни и привалилась спиной к стене мертвого дома. Вернее, это была уже не я. Существо, одетое моей плотью, ломало голову – было ли это все смертью, и как же ему теперь жить – за гранью смерти.

Так прошло несколько часов – не знаю, сколько именно, в таком состоянии скорость мысли другая и время воспринимается иначе. Я успела проститься с Сонькой, со всеми моими коровищами и бегемотицами поименно, и вот сидела и смотрела в тот конец улицы, где скрылись убийца и преследующая его змея.

И вот вдали из-за поворота показалась точеная головка. Черная струя быстро потекла ко мне. Кровь моя, ярость моя, боль моя – все это возвращалось.

Змея подползла, положила голову мне на бедро и тонкий раздвоенный язычок лизнул мою руку – там, где уже засохла рана от зубов.

И я увидела, как все произошло.

Сперва, увидев на улице города огромную змею, он окаменел. Он даже пришел в себя, вынырнул из своей чудовищной, нечеловеческой эйфории. Потом прибавил шаг. Он не имел намерения общаться с гадом и не думал, что представляет для гада какой-то интерес. Змея со скоростью чуть больше человеческого шага ползла за ним.

Когда он это понял, то решил убежать. Он еще не верил, что стал жертвой. Он думал, что бег – надежная защита. Змея поползла чуть быстрее. Он пробежал квартала два и перешел на шаг, уверенный, что все в порядке. Через несколько минут он затылком почувствовал змеинный взгляд.

Он опять побежал – туда, где его из страха приютили. Там он твердо обещал, что вернет себе оружие и покинет город. Правда, этой ночью он там не ночевал, и хозяева, возможно, решили, что он выполнил задуманное.

Бегал он плохо. Ему почти не приходилось от кого-то убегать. Тех, кто мог за ним погнаться, он не трогал. И змея без особого напряжения нагоняла его, стоило ему выдохнуться.

Он додумался заскочить в случайный подъезд и крепко захлопнуть дверь. Там он сел на ступеньку и стал искать сигарету.

Он не знал, что это вовсе не змея. Струя крови легко просачивается в тончайшую щель. Когда он увидел, что буквально на пустом месте, из-под тяжелой двери, под которой и муравью не протиснуться, возникла маленькая головка с холодными черными в алых ободках глазами, волосы у него на голове зашевелились. Он взбежал по лестнице, и у него хватило ума выпрыгнуть в окно на первой же площадке между этажами.

Он ушиб себе ногу, но все равно побежал – через незнакомый двор, мимо гаражей, вдоль ограды палисадника. Навстречу ему шел мужчина в тренировочных штанах и с мусорником.

Будь в беглеце побольше силы, он придушил бы мужчину и оставил его на съедение змее, искренне считая, что ей все равно, кого жрать. Но мужчина легко справился бы с ним. Поэтому беглец проскочил мимо него и притаился за углом.

Для мужчины с мусорником змеи, возникшей вдруг во дворе, не было. Была струя темной жидкости неизвестного происхождения. Ну, льется, и пусть себе льется. Он перешагнул через струю и пошел к помойке.

Беглец понял, что обречен.

Остальное меня уже не интересовало.

Я знала, что он мертв. И что он погиб той смертью, какую заслужил. Сперва он тысячу раз умер от ужаса. Его донимала боль в ноге, ему не хватало дыхания. Но ему не пришло в голову, что это – ужас тех слабых, кто попадал ему под горячую руку и чья боль его радовала. Впрочем, змея не наслаждалась его страданием. Она делала то, зачем появилась на свет.

Я так мечтала уничтожить это чудовище, что кровь моя была отравлена смертью. И в тот миг, когда смерть состоялась, змея освободилась от яда и вернулась ко мне чуточку посветлевшей, ласковой, домашней.

Она лизнула мне руку и передала свое чувство облегчения.

Я встала.

Мне действительно было легко.

Я сделала правой ногой шаг вперед и встала в арабеск. Спина прогнулась, руки вознеслись ввысь. И меня закрутило в бешеных пируэтах! Их было великое множество – словно лопнула тугая пружина! На последнем я взлетела в воздух.

На пустой улице я танцевала с таким восторгом, так самозабвенно, как ни в одном сне. Я чертила уникальные диагонали, зависая в воздухе так долго, как хотела. Я, выгнувшись, отбивала легкими ногами тройной кабриоль назад, бросалась в па-де-ша, перелетая в нем через всю улицу, отбивала тройной передний кабриоль, причем правая, верхняя нога достигала окон второго этажа. Я делала такие перекидные жете с заноской, какие не снились ни одной балерине. Долетев до перекрестка, я понеслась по кругу короткими жете, постепенно увеличивая их размах. Это еще не было танцем, я только пробовала силы! Во мне обновленной еще не было и не могло быть поэзии. Мне пока нечего было вложить в бесподобные бризе и гран-жете. Они требовали пылких и бурных страстей, как пуантовый танец требует беспредельной женственности. А все мои страсти сейчас лежали на камнях, свернувшись кольцами, и с интересом наблюдали за моими выкрутасами.

Оттолкнувшись, я пролетела в гран-жете, таком, что откинутая назад нога и поднятые над головой руки сомкнулись, через всю улицу и опустились рядом со змеей.

Она приподнялась, обвилась вокруг протянутой руки и скользнула на шею. Я погладила змею по голове – лежи, отдыхай, моя хорошая, мечта сбылась, танец начинается, все справедливо...

И вспомнила про Зелиала.

Если бы он знал, что я тут натворила!

Я совершенно не представляла себе, что будет со мной дальше. Если где-то и обитали такие же, как я, безумные плясуньи, так их нужно было искать. Если мне предстояло отплясывать отныне по ночам в полном одиночестве, я бы приняла это как должное. Но я должна была знать, как быть дальше.

Это мог знать либо ангел справедливости, либо демон справедливости. Что касается ангела – это было дело туманное, я даже считала, что он позабыл о нашей грешной земле. Но демон-то имелся!

Я достала из волос свое заветное перышко.

Сперва мне показалось, что это вообще не оно. То было вороное, а это – не может быть, поседело! Оно засеребрилось по краям, а пух у стерженька был совсем белым.

Я смотрела на перо в тревожном изумлении и дождалась – из него вылилась тяжелая капля и упала на камень у моих ног. Я опустила на корточки, змея тоже потянулась к ней мордочкой. Поняв, что это такое, мы переглянулись. Кровь!

Зелиал попал в беду!

Стыдно признаться, но чувство, охватившее меня, было похоже на радость.

Теперь я знала, что буду делать дальше.

* * *

Наступает рассвет, в ближайшей церкви благовест зовет к заутрене, тени тают. До следующей ночи.

Мир четко разграничен на день и ночь. И если днем некому творить справедливость, ее принесут ночные силы.

Для них нет солнечного света. Они знают лишь ночных птиц и ночные цветы. В сущности, это тоже неплохо, какой-никакой, а мир. Даже знакомый мир – для тех, кто еще при жизни любил шастать по ночам.

Должно быть, для виллисы есть еще один порог, кроме смертного. Она должна отказаться от своей единственной радости – танца, от своего любимого и единственного пейзажа – ночных лесов и лугов, от белых и остро пахнущих цветов летней ночи. Ради чего?

Разве у виллисы есть то, ради чего отказываются? Ведь она – невеста, что умерла до свадьбы. Ведь она не познала любовь во всей полноте.

Пожалуй, балету «Жизель» необходимо третье действие. Готье и Перро не подумали о том, что Жизель будет искать этот высокий порог и, чего доброго, найдет его.

* * *

Я оказалась в помещении с высокими стенами и незримым потолком.

Здесь можно было присесть на табурет с ногами в виде звериных лап. Было еще кресло, спинка которого напоминала готический собор. Стояла у стены резная консоль, четырьмя ножками которой служили позолоченные фавны, а столешница обрамлялась понизу гроздьями и листьями винограда. Другой мебели я не обнаружила.

На всякий случай осталась я стоять, поглаживая змею...

Как мы с ней добирались сюда – уму непостижимо. Сперва я отпустила перышко на ветер. Оно занесло на городское кладбище. Сообразив, что можно последовать примеру Зелиала, караулившего демона любострастия, я слетала домой за своим договором и отправилась искать свежую могилу. Причем желательно мужскую – мне совсем не хотелось еще раз встречаться с тем когтистым чудищем.

Там я на всякий случай попробовала перекинуться вороной. Не получилось. Тогда я окончательно поняла, что к живым женщинам и даже ведьмам более не принадлежит. Поглаживая по спинке мою верную змею, я села ждать хоть чьего-нибудь явления.

Перед самым рассветом земля расступилась и выбросила из дыры существо, похожее на Зелиала, с длинным плащом и тонким профилем. Я кинулась к нему прыжками – бегать при теперешней легкости тела уже не получалось.

– Здравствуйте! – сказала я ему. – Я ищу демона справедливости Зелиала. Он мне срочно нужен!

Наверное, за всю историю существования демонов впервые потустороннее существо попятилось от земной женщины, пусть и со змеей.

– Зачем он вам?

– Я продала ему душу. Вот, хочу исполнить уговор.

Демон пригляделся ко мне.

– Вы... живы?..

– Не знаю, – честно сказала я. Действительно, для покойницы я слишком уж резко сказала.

Он посмотрел на змею и прикоснулся к ней пальцами. Змея угрожающе приподняла головку на крепкой и гибкой шее. Демон отдернул руку.

– Не бойтесь, не укусит, – усмехнувшись, сказала я.

– Откуда вы знаете?

– Еще бы мне не знать – это моя кровь.

– А-а... тогда все ясно. Погодите, мне только клиента забрать нужно.

– Вы демон, простите, чего?

– Спокойствия. Это, видите ли, тоже, сильный соблазн. Иные спокойствием называют такие вещи!.. Ну и попадаются на крючок.

– Интересно! Зачем вы мне это говорите – я ведь тоже попала на крючок!

– Вы – нет, – уверенно ответил он. – Похоже, что вы станете одной из нас. Там, внизу, нам нужны женщины, чья кровь превращается в змею.

Я не стала спорить. Нужны так нужны. Главное было – найти следы Зелиала.

Не хотела бы я еще раз проваливаться сквозь плотную и колючую землю! Даже когда дорогу прокладывает демон, несущий грешную душу клиента.

Мир, в который мы попали, был вроде земного, только просторен до невозможности. Всякое помещение здесь было не меньше стадиона. Демон спокойствия оставил меня в здоровенном сарае с исторической мебелью, ни дать ни взять – комиссионка, и отправился куда-то докладывать обо мне.

Нас со змеей не заставили долго ждать. В кресле обрисовались и сгустились очертания сидящего, наполнились плотью, и я увидела человека лет сорока, в костюме-тройке и при галстуке. Человек этот встал, всем видом показывая – встаю перед дамой!

– Добро пожаловать, – сказал он. – Мне поручено говорить с вами. Вы нас заинтересовали.

Я спокойно оглядела его. Он был красив и хорошо улыбался. Пожалуй, он не был здесь главным. Я, женщина образованная, видела всякие живописные вариации на тему Страшного суда и «Божественной комедии» Данте. Поэтому я догадывалась, что здешний хозяин – необычных, непостижимых человеку размеров, да и внешность его вряд ли соответствует нашим эстетическим требованиям.

– Я продала душу демону справедливости, – тут я протянула договор. – Вот, ищу его, чтобы вручить ему душу. Поскольку я, кажется, померла...

– Успокойтесь, вы не померли, – сообщил мне собеседник. – Вы каким-то непонятным мне усилием перешли в иное качество. Вы теперь сродни демонам и духам. А раз ваша душа принадлежит нашей фирме, то лучше всего будет войти в наш штат и встать на довольствие. Мы найдем для вас подходящее занятие. Вам у нас понравится.

Он обвел рукой помещение, явно имея в виду не мебель...

– Весьма благодарна, но вынуждена отказать. Я должна отыскать Зелиала, – светским тоном сообщила я.

– Простите... – он слегка поклонился и протянул ко мне руку, чуть-чуть, жестом легкого недоумения, – мне хотелось бы вам напомнить, что вы продали душу дьяволу...

И сел, всем видом наконец показав, что он тут начальник.

– Моя душа пока что при мне, – ответила я ему, – потому что она продана не дьяволу, а Зелиалу лично.

– То есть как?

Я с торжеством предъявила договор.

Он прочитал и уронил бумагу на колени.

– Остроумно! – объявил он. – Ход, достойный опытной ведьмы! Вы умнее, чем мы думали. В таком случае, я буду говорить с вами иначе. По своему уму, по своей смелости, по своей решительности вы достойны большего, чем числиться за каким-то захудалым демоном справедливости, до которого мы еще доберемся. Возможно, вы уже знаете, что он натворил.

– Знаю. Сжег договоры. Это при мне и было, – сухо ответила я, а комплименты проигнорировала, этого дела я никогда не уважала.

– Вы, надеюсь, понимаете, какими неприятностями это грозит. Но вернемся к вам. Женщина, сумевшая превратить свою кровь в змею – находка для нашей фирмы. Давайте договоримся так – сейчас я доставлю вас в ваши апартаменты, поверьте, лучших не было и нет ни у королей, ни у султанов. Вы отдохнете...

Он помолчал, глядя мне в глаза.

– ...вам будет подан завтрак, достойный королевы. Потом вам покажут ваш личный бассейн и танцевальный зал. Я сейчас распоряжусь, чтобы вам подобрали несколько ловких партнеров и грациозную секретаршу. Пока вы будете у станка делать привычный вам балетный экзерсис, вам доставят туалеты. Несколько недель вы посвятите путешествиям...

Странное адское времяпрепровождение меня-таки удивило! Наверно, это отразилось и на лице, потому что собеседник мой продолжал с возрастающим вдохновением:

– Вы отдохнете, приведете в порядок потрепанные нервы! Морские купания, прогулки на яхтах, верховые лошади, горные лыжи!.. По вечерам – танцы в роскошных ресторанах!.. А потом, когда вы ощутите себя не заклеванной, издерганной бытом, работающей за кусок хлеба, беззащитной перед всяким мерзавцем женщиной, а повелительницей, и императрицей, мы и поговорим!..

Вот напоминать о прошлом не точно не стоило.

– Все это замечательно, – с официальной любезностью улыбнулась я, – но дайте мне лучше возможность найти Зелиала.

Он задумался.

– Позвольте за вами поухаживать, – вдруг обратился он ко мне, вставая. – Ваше платье...

Я шарахнулась было – ненавижу, когда чужие лапы поправляют на мне одежду. Белое мерцание встало между нами – и у него на вытянутых руках уже лежали белоснежные тюники, а поверх них – трогательный веночек Жизели.

Я не успела ахнуть – все это великолепие оказалось на мне, корсаж охватил талию, как две бережные ладони, а собеседник взял меня за руку. Стена раздвинулась перед нами, и мы оказались в зеркальном зале.

Седой старичок, в расстегнутом сюртуке и с седоватой эспаньолкой, встал со стула и направился к нам, выворотню ставя ноги в лакированных туфельках танцора. Дама в черном платье и в кружевной наколке, сидевшая за маленьким роялем, повернулась ко мне и чуть наклонилась. Несколько танцовщиц в коротких юбочках сделали мне реверанс и снова выстроились у станка, одинаковым жестом положив на него руки.

– Здесь вас научат так танцевать, как не снилось ни одной балерине. И вы станцуете партию Жизели в лучших театрах мира, – прошептал мой спутник.

Я всем телом устремилась туда – к хранителю тайн и легенд, тончайшему знатоку пуантового танца, уже готовая назвать его – Мариус Иванович! Но змея на моей шее чуть шевельнулась. Все. Хо́да в этот зал мне уже не было.

– Простите... – сказала я. – Все это замечательно, но я должна найти Зелиала. Все-таки моя душа принадлежит именно ему. И не надо больше соблазнять меня. Все равно вы ничего другого от меня не услышите.

– Если бы я знал, где этот злосчастный Зелиал, я бы сам отвел вас к нему за ручку! – воскликнул соблазнитель. – Но он пропал бесследно! Мы сами его ищем!

Поверить в бессилие адского сыска я никак не могла.

– Чтобы наказать?

– Если вы просите за него... Попросите меня о чем-нибудь, умоляю вас! – голос стал вкрадчивым. – Позвольте сделать вам какой-нибудь подарок! Может, нам следует простить Зелиала?

– Это само собой... – я задумалась. Вряд ли со мной сейчас говорили искренне. Грозил подвох, и то небольшое, что я знала о местопребывании Зелиала, следовало хранить в тайне.

– Вы в затруднении?

– Да, – я все-таки сообразила, как выйти на след! – Есть у вас демон, который отвечает за тех, кто ищет ненужного знания? Это ведь тоже великий соблазн!

– Есть! – радостно воскликнул мой спутник, хватая меня за руку. – Он вам нужен? Он в вашем распоряжении!

Мы со свистом провалились сквозь пол и пронеслись через несколько этажей. Оказались мы, надо думать, в адской библиотеке, где было собрано все, созданное человечеством в этом жанре за несколько тысячелетий. Величиной эта библиотека была с небольшой трехэтажный город. А уж ненужного знания тут скопилось – на дюжину человечеств!

Пол у наших ног разошелся, и появился пожилой сутулый демон в очках.

– Я дарю тебя этой красавице! – провозгласил соблазнитель, хлопнув этого унылого типа по плечу. – Ей так было угодно!

И растаял в воздухе.

От пошлости меня прямо передернуло. Взглянуть на подарок – и то было неловко. Я огляделась. Змея на моей груди опять подняла голову и уставилась в дальний угол.

– Чует, – одобрительно заметил демон в очках. – Ну ничего, сейчас мы от него оторвемся...

Между книг на полке у него была спрятана колба с мутно-розовой жидкостью. Он плеснул из нее – и жидкость, пролетев по воздуху кометой не меньше двадцати метров, облила силуэт моего разговорчивого и многообещающего спутника. Он окаменел.

– Совсем мальчишка разболтался, – неодобрительно заметил демон в очках. – Шестерка, а туда же... Ну, говорите, что вам нужно, только быстро.

– Мне нужен тот маг, что способен вызвать ангела справедливости! – быстрее ответить, кажется, было невозможно.

– Еще один Зелиал на мою голову! – вздохнул демон. – Тот тоже плешь проел...

– Где его найти?

– Откуда я знаю!

– Но кто-то сказал Зелиалу, что такой маг есть, и даже объяснил, как его найти. Для этого нужно, чтобы что-то с чем-то совместились, тогда можно будет попасть в иное пространство, где этот маг находится.

– Возможно... возможно... Но если это – то, о чем я сейчас подумал, одни расчеты точки входа и минуты выхода займут целую вечность, – ему явно не хотелось со мной возиться.

– Но как же Зелиал туда пробрался?

– А вы уверены, что он там?

Я достала и показала перо.

– Хуже того – он там попал в беду.

– Давно нарывался, – буркнул демон. – Вам-то что за печаль?

В третий раз я вынула договор и предъявила его.

– Моя душа принадлежит демону Зелиалу, – заученным тоном произнесла я. – И я ищу его, чтобы отдать ему эту самую душу!

Демон присвистнул.

– Прелестная ведьмочка! Охотно помогу тебе в твоих милых шашнях, но придется подождать. У меня столько дел и забот, что я не скоро выберу время засесть за расчеты.

– А больше их сделать некому?

– А больше их сделать некому.

Змея опять шевельнулась. Тугие кольца чуть сжали мою шею. Положительно, эта гадина, мое порождение, знала куда больше меня. Я поняла ее гнусный замысел и не стала ему противиться.

Я даже подставила ей руку, чтобы ей удобнее было опереться и уставиться в глаза вдруг застывшему демону. Может, это был гипноз, а может, еще что-то, но он не возражал, когда змея по вытянутой моей руке быстро переползла на его шею и устроилась там с удобствами.

– Вы сейчас же возьметесь за расчеты, – сурово сказала я. – Иначе – гибель. Я же знаю – у каждого демона есть своя погибель. Вас удушит рожденная из крови змея! Это я знаю точно! Вот она, эта змея, моя кровь и моя бешеная ярость! Лучше вам меня сейчас не сердить!

Блеф был достоин бабы Стаси!

Но он подействовал: демон тех, кто ищет ненужного знания, кротко побрел к рабочему уголку, где я без особого удивления обнаружила мощный компьютер со всей периферией.

На мониторе замелькали знаки зодиака, колдовские формулы, пентаграммы, концентрические круги и, возможно, таблицы эфемерид. Битый час я молча смотрела, как пальцы смертельно перепуганного демона в очках бегают по клавиатуре, а на мониторе стремительно меняются схемы и картинки. Дважды машина зависала, демон бормотал под нос слова неизвестного мне языка, от чего змея вздрагивала и била хвостом, и начинал работу сначала. Наконец, он вывел на принтер окончательный вариант расчетов. И протянул мне бумажку с таким видом, будто вот сейчас грохнется в обморок. Я протянула руку, и змея переползла на мою шею.

Тем временем срок действия розовой гадости явно кончился – мой бывший спутник в углу зашевелился и принялся руками стогнать с костюма ручейки тающей жидкости.

– Вот, – очкастый демон ткнул пальцем в бумагу. – Стать лицом на запад. В руке держать горсть песка. Ровно в четыре часа утра бросить песок за спину и отступить назад, так, чтоб стать на него. Текст заклинания я откорректировал соответственно времени суток, расположению звезд и фонетике вашего языка. Все.

– Благодарю!

Я посмотрела на текст и обнаружила дичайшую абракадабру. Именно то, чего натошак не выговоришь.

– А где стать? – спросила я. – Где угодно, что ли?

– Да хоть здесь! – сердито отрубил демон. – Привыкайте к тому, что это роли не играет! Я подошла к своему мокрому спутнику и крепко тряхнула его за плечо.

– Послушайте, не знаю, кто вы здесь, бес на побегушках или мелкий дьявол! Мне нужно знать точное время. И принесите горсть песка!

– Зачем?

Выходя из оцепенения, он совсем не слышал нашего разговора!

– Съем на завтрак! Ну? Это же не личный плавательный бассейн и не Мариус Петипа в зеркальном зале!

Он протянул руку, и я приняла в горсть струйку песка.

– Время?

– Без одной минуты четыре.

– Здорово! Успеваю! Как будет четыре – хлопните в ладоши. Ясно?

Эту минуту я потратила на чтение заклинания – чтобы в нужный миг ничего не перевернуть.

Бес хлопнул в ладоши. Я кинула за спину песок и быстро наступила на него. Хорошо, заклинание было коротким. Меня завертело и втянуло в дыру, возникшую на потолке.

Выбросило в пустынной местности.

Земля тут была серо-желтая и потрескалась неровными квадратами. Небо над ней – зеленоватое, как иногда бывает перед закатом, вот только ни солнца, ни луны, ни даже звезд не обнаружилось. И откуда шел свет, позволявший сосчитать все волоски на сухих стеблях мертвой травы, я не поняла.

Вдали торчала полуразвалившаяся зубчатая башня. Я побрела к ней. Вид у меня был – лучше не придумаешь! Белоснежное платье Жизели повисло тюлевыми лохмотьями. Венок я потеряла. Волосы в полете распустились и шпильки разлетелись. Змея тоже обалдела от этого приключения и висела, как в обмороке.

У ворот сидел человек в длинной звездной мантии и с крючковатым посохом. Он чертил знаки, задумчиво добавляя по завитку, по крестику, хмыкая и вздыхая. По острому колпаку и длинной седой бороде я догадалась, что это маг вышел подышать свежим воздухом.

– Здравствуйте, Учитель, – вежливо сказала я.

Такое обращение ему понравилось.

– Ты ищешь мудрости, женщина? – сурово осведомился он. Очевидно, набивал себе цену.

– Да, учитель.

– Тогда ступай за мной.

Он привел меня в круглое помещение самого колдовского вида. На одной стене – вернее, простенке между окнами, – ковром висели сушеные травы, на другой – всякие металлические и стеклянные приборы, на третьей – полки с колбами, ретортами, пузырьками и флаконами. И много тут было книг разной величины – от карманного формата, до таких, оправленную в металл обложку которых нужно было поднимать двумя руками.

Горел огонь в камине, горели две свечи в витом подсвечнике на столе. Этого света хватало, чтобы разглядеть все хозяйство мага.

– Какой мудрости ты ищешь, женщина? Судя по змее, ты не из простых.

– Я ищу справедливости, – честно сказала я. – В мире людей я ее не нашла. Говорят, есть на небесах ангел справедливости. А если и его нет, то не скажешь ли ты, учитель, как жить без справедливости?

Маг рассмеялся.

– Ты женщина, – ласково сказал он, – и ты судишь просто, как и полагается женщине. Справедливость каждый устанавливает для себя сам, если она ему вдруг зачем-то понадобилась. Вот я живу в своей башне, властвую над демонами и духами, умножаю, количество знания в мире – зачем мне еще думать о справедливости?

– А как быть слабому, которому угрожает сильный? Как быть мне, если на меня напал насильник? Как быть обиженному, у которого нет заступника?

– Стоит тебе пожелать – и у тебя будет заступник, – сказал маг. – Ты ведь женщина.

– Хорошо. Но если судить по-твоему, то убийца останется безнаказанным, вор – непойманным, и так далее.

– Пусть люди соберутся и выберут тех, кто будет расправляться с убийцами и ворами. Пусть община кормит их за это. И незачем будет взывать к высшей справедливости, – довольно разумно отвечал маг.

– Но это наемники, они все равно будут лишь людьми, способными совершить любую ошибку. Как они соразмерят проступок и кару, справедливость и милосердие?

– Как их научат – так и соразмерят.

– Кто же их научит?

– Разве в твоём мире не осталось мудрецов? – изумился маг.

– Мудрец может научить лишь того, кто желает учиться, – я, понятное дело, вспомнила следователя с турецкими глазами.

– А тех, кто не желает, пусть изгонят. В пустыню! Без воды! Все очень просто. Ради этого ты шла ко мне и отнимаешь мое время?

– Помоги мне найти ангела справедливости! – сказала я. – Помоги мне найти его, учитель!

– Может, для тебя и демон справедливости сойдет? Этот у меня имеется! – смеясь, воскликнул маг и снял с полки хрустальный флакон, полный дыма. – Вот он, голубчик! Украшение моей коллекции! Вон в той склянке у меня бесенок из рода Аемодеев, мелкий пакостник, бес сутяг и стряпчих. Вон в большой колбе – Левиафаново отродье. Мне бы еще несколько экземпляров, и можно начинать работу. Я, видишь ли, хочу исследовать свойства, физиологию и анатомию демонов. Этим всерьез еще никто не занимался.

– Должно быть, тебе нелегко было собрать такую коллекцию, учитель, – почтительно обратилась я. – Подумать только, живые демоны!

– Да, эту полку я не уступил бы за все сокровища Голконды! – заявил маг. – Красавцы, отборные экземпляры. Не мелкая шваль, а те, кто рухнул вниз после Большого Бунта.

Мысленно я приказала змее приготовиться.

– Мне к ним даже прикоснуться было бы страшно, – я руками показала, как именно оттолкнула бы склянку с бесом. – Какое мужество нужно иметь, чтобы изучать демонов! Прости, учитель, что я отнимала твое время такими глупыми вопросами!

– Как не простить женщину! – гордо усмехнулся маг. – А прикасаться к ним совсем не страшно. Это же простое стекло и хрусталь. Страшно другое – когда ставишь ловушку бесу или демону. Каждого нужно приманить по-своему. Иногда полстолетия пройдет, прежде чем придумаешь приманку и подсунешь ему, чтобы прилетел и попался.

– А они, эти флакончики – горячие или холодные? – спросила я. – Ведь бесы состоят из огня?

Маг расхохотался.

– Возьми в руку, попробуй! – предложил он.

– А со мной ничего не будет?

– С тобой ничего не будет.

Я прикинула расстояние до двери, подошла к полке, и тут одновременно схватила хрустальный флакон и накинула магу на шею свою змею.

Тесные кольца сомкнулись. Маг издал такой вопль, что огонь в камине заметался.

Пока он боролся со змеей, я выбежала из башни.

Конечно, следовало бы отбежать подальше, но я не видела подходящего камня. Приходилось рисковать – я размахнулась и брякнула флакон о стену.

Осколки хрустала острыми искорками сверкнули в воздухе.

У подножья стены стал густеть клочок тумана. Он принял вид свернувшегося клубком зверька, начал расти и оказался лежащим без сознания человеком. Вернее, демоном в человеческом обличье. Я не понимала, это уже плоть или еще сгусток каких-нибудь мистических флюидов. Поэтому стояла, боясь прикоснуться.

Клубок развернулся. Я увидела лицо Зелиала. Он вольно раскинул худые руки и стал дышать – с наслаждением и все глубже. Он понемногу приходил в чувство. Я не знала, как ему помочь, и решила хотя бы не мешать.

В башне грохотала – это маг боролся, с моей змеей. Но хватка у нее была не хуже моей – видно, и она когда-то тренировалась по части захватов, подсечек и удушающих приемов.

С новым вдохом Зелиал прогнулся в груди и блаженно застонал. А потом открыл глаза и увидел меня.

– Это ты? – не столько спросил, сколько сообщил он сам себе. – Спасибо, ворона... Где это мы и как я сюда попал?

– Осторожно, не наступи на осколки, – сказала я, потому что он был босиком и вообще голый.

Зелиал сел, потрогал кусочек хрустала и, по-видимому, все вспомнил.

– Твоя работа? – пытаюсь улыбнуться, спросил он, показывая на хрусталь.

– Ну! Вставай, вставай, достаточно ты в пузырьке отсыпался.

– Опять я не нашел ангела справедливости, – даже с каким-то удивлением сообщил Зелиал. – Может, хоть ты что-нибудь о нем узнала? А, ворона?

Он, видимо, был еще очень слаб и прислонился к стене. У него не хватало сил и соображения даже соткать из мрака длинный плащ. Я хотела подойти и обнять его, потому что всей кожей чувствовала, как ему сейчас холодно. Даже сделала шаг к нему, но сразу же отступила.

Зелиал лишился в заточении своих пышных жестких кудрей. Голова была покрыта шершавым ежиком, как будто его неделю назад побрили наголо. И вокруг ежика стояло легкое сияние, словно кончик каждого волоска обмакнули в лунный свет.

И я все поняла.

Я наконец-то поняла, кем же он был на самом деле, этот лишенный памяти туманный бес.

– Узнала, – со вздохом ответила я ему. – Нет твоего ангела справедливости. Вообще нет. Пал смертью храбрых. Расстрелян после Большого Бунта за то, что неправильно понимал справедливость. Так что на него не рассчитывай. Одни мы с тобой остались. Больше никто этим делом заниматься не станет – ни маги, ни мудрецы, ни ангелы и ни черти.

– Вот оно что...

Я не могла сказать ему правду. Тогда он точно бы сошел с ума. Ведь он утратил ту силу света, которой мог исцелять заблудших и творить справедливость благородно и безболезненно. Или его лишили этой силы, зная, что без нее он – калека? Или это просто назначили срок наказания, без которого невозможно искупление?..

Так, значит, свет вернется?..

Зелиал оттолкнулся от стены и встал прямо. Ему было трудно так стоять, я понимала, что его еще несколько часов будут преследовать головокружения, но достаточно он надеялся на чью-то неземную помощь. Уж с этой-то хворобой он должен был справиться сам.

– Ну, пойдем, – сказала я. – Работы много. Никто ее за нас не сделает.

– А ты уже – все? Уже не можешь вернуться? – спросил он, отлично понимая, что выбор мой сделан, иначе я не нашла бы башню и не вступила в схватку с магом.

– Чего мне возвращаться... Незачем.

И только тут я окончательно простила и с Сонькой, и с бегемотицами, и со всем моим дневным миром. Если ради Зелиала нужно было навеки выбрать ночной – пусть.

– Ну, если так...

– Да, вот так...

– Не передумаешь? – с прежней, чуть застенчивой улыбкой спросил он.

– Я же продала тебе душу. Вот и договор при мне.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Все было решено на миллионы лет вперед.

Из башни выползла змея. Я протянула ей руку, чтобы она всползла и обвилась вокруг моей шеи. Маг, очевидно, валялся в глубоком обмороке.

– Твоя кровь? – угадал он. – Оставь ее. У тебя родится другая, светлая и чистая.

– В ней не будет такой ярости, – ответила я.

Он протянул руку, погладил змею, и она лизнула в ответ его палец.

– Ладно, пойдем, – решил он, видно, ощутив прилив сил. – Ты права, ворона, втроем веселее...

И мы пошли. Я чувствовала плечом его острое плечо. И даже не заметила, что бесплодная земля под ногами давно кончилась, и мы ступаем по протянутому со звезды лучу зеленоватого прохладного света.

Под нашими ногами были бесчисленные миры, и где-то среди них – мой, к которому я еще буду возвращаться, еще не раз и не два – пока буду ему нужна. Мы будем возвращаться туда вместе...

* * *

Над ночной землей, над лесом с крошечными елками, над блюдцами озер, над игрушечным городом шло белое грозовое облако.

Рига

январь 1990

Зазыв с того света

Это мой дом. Я прожил в нем сперва шестьдесят шесть лет, а потом еще триста восемьдесят.

Сперва я пребывал в великой растерянности, потому что агония моя, при коей присутствовали мои проклятые родственники, оба племянника от старшей сестры и та шлюха, которую родила младшая сестра, завершилась ничем. Я знал, что умираю, вправе был надеяться на райское блаженство, ибо грехов не накопил, и наконец потерял сознание. Сколько минут провел в забытие, одному Богу ведомо. Когда же я очнулся, то прежде всего испытал радость от изумительного отсутствия боли.

Вокруг была темнота, плотная темнота.

Я сел, потянулся, движения мои были легки и непринужденны. Я спросил: что это? В ответ мрак стал блекнуть. Я вспомнил – ведь только что меня окружали люди. И обозначились продолговатые серые пятна. Меня понемногу, бережно, вводили в мой новый мир.

Родственники совершенно не заметили моего воскрешения, потому что были заняты делом – обсуждали мои похороны. Я прошелся по спальне, малость стесняясь своего вида – я был босиком, в одной замаранной ночной рубаше и в колпаке. Одежда появилась потом – когда они привели старух, старухи обмыли мое тело и приготовили к похоронам. Почему-то решили хоронить меня в бархатной мантии, и вот она дивным образом окутала мое новое тело. Равным образом на ногах появились белые чулки и мягкие удобные башмаки.

Мы слишком мало знаем о жизни после смерти. Я полагал, бродя меж родственников, что вот-вот за моей душой явится светлый ангел. Ангела все не было и не было. Тогда я ощутил страх – возможно, что-то в жизни было сделано неправильно, сочтено грехом, и следует готовиться к худшему. Но и рогатые черти тоже за мной не спешили. Оставалось ждать.

Я видел, как мое тело выносят, и проводил взглядом, стоя у окна, похоронную процессию. Потом прошелся по дому, радуясь тишине. Совершенно случайно я обнаружил новое свойство теперешнего своего тела – проникать сквозь стены. Это меня несколько развлекло. Но, когда я вздумал было выйти на улицу, уверенный в своей невидимости, некая сила преградила мне путь. После нескольких попыток, включая безумный прыжок из окна, я понял, что обречен находиться в своем доме долго, очень долго.

Причина этого сперва была мне непонятна. За смертным порогом человека должны ждать либо кара, либо награда – так я полагал, так меня с детства учили. Мое одиночное заключение, пожалуй, можно было бы счесть карой, хотя я чувствовал себя в своем доме превосходно.

Несколько дней я бродил по дому, испытывая даже некоторое наслаждение – тело не ощущало привычной боли, движения мои сделались легки и необыкновенно изящны. Потом мной овладела тревога. Наследники мои были твердо убеждены, что принадлежащий мне дом – не единственное мое имущество. Им следовало продать его, а деньги поделить между собой, и я указал в завещании, как именно. Определенную сумму я оставил на благотворительность – неприлично солидному человеку, наподобие меня, помирать, не осчастливив несколько убогих. Я распорядился о койке в городской больнице при обители святого Герхардта, и точно определил сумму, необходимую для бесплатного содержания и лечения пациентов, которые по воле Господа окажутся на этой койке. Сумма эта составляла шесть с половиной процентов от вклада, который я поместил в надежном месте. Но было и еще кое-что.

Я был женат, овдовел, две мои дочери умерли в младенчестве, и потому мои доходы существенно превышали расходы. Сперва я довольно много тратил на себя, потом стал откладывать деньги и получать удовольствие, видя, как возвышаются и растут стопочки золотых талеров. Я собирал талеры ради собственного удовольствия, совершенно не думая, на что бы

мог их употребить. Они развлекали меня постоянно. Особенно я веселился, надумав устроить тайник в стене.

Дом мой, средней величины, в два этажа и с узким чердаком под высокой черепичной крышей, имел, как водится, подвал, где хранились припасы и дрова. В свое время отец мой очень удачно купил земельный участок возле старой городской стены. При строительстве это сберегло ему немало денег – по-настоящему пришлось потратиться только на фасад. Задней стеной моего дома стала укрепленная и подправленная городская стена, боковые – общие с соседями. А стены подвала старше стен здания примерно на триста лет – это остатки давних монастырских строений, с веками погрузившиеся в землю. Тогда не жалели камня, так что они получились в полтора фута толщиной. И я здраво рассудил, что, потрудившись несколько ночей, выдолблю место для сундучка с талерами. Разумеется, работа затянулась, но я был доволен.

Сейчас тревога моя объяснялась тем, что я боялся за свой сундучок. Наследники, проклятые мои племянники, и шлюха с ними вместе, устроили совещание и решили, что старый скряга (таким титулом они меня почтили) непременно спрятал где-то в доме деньги или драгоценности. Я засел в подвале, понятия не имея, как буду охранять от них мой сундучок. Они, конечно же, спустились туда дважды, разворошили поленницу и пытались простучать стены. Тут я впервые порадовался, что племянники мои – дураки, даже это им оказалось не под силу. Переругавшись между собой, они обратились к первому попавшемуся маклеру, чтобы он продал дом, и, к величайшей моей радости, он их основательно надул.

Сам я был весьма доволен тем, что не попал ни вверх, ни вниз, а остался охранять свое золото. Жаль было, что я не могу более пополнять сундучок, но ни одно блаженство не бывает всеобъемлющим. К тому же, я видел вещий сон.

Оказалось, что в моем бестелесном положении отдых тоже необходим, и сны мерещатся примерно такие же, как людям во плоти. Проснувшись, я уже знал высший замысел относительно себя. Сундучок мне удастся открыть и деньги взять тогда, когда я подберу ключ. Разумеется, в земной своей жизни я имел ключ, но его утащили вместе со всей связкой мои любезные наследники. Однако в земле хранится множество ключей от давно погибших замков, и среди них я могу найти подходящий. Тогда я наконец прикоснусь к своему золоту и буду счастлив абсолютно.

Любопытно, что все это было предсказано сумасшедшим мазилой Отто Вайскопфом. Я нанял его, чтобы написать мой портрет. Портрет мне, в сущности, не был нужен – я не имел детей и внуков, которым следовало бы помнить обо мне. Но Отто вошел в моду, ему делал заказы весь наш магистрат, неприлично было выказывать себя скрягой. Долго позировать я не мог – я не дама и имею множество более важных занятий. Когда я увидел его творение, то сперва не хотел забирать из мастерской. Во-первых, я мужчина статный, а он изобразил сутулого. Из коричневого мрака (впервые в жизни я увидел коричневый мрак, но эта пришедшая из Голландии мода была еще наименьшим из зол) смотрел на меня старец – морщинистый, седоволосый, с седой эспаньолкой и усами, в длинной мантии и четырехугольном берете с кисточкой. Мантию я имел, но надевал редко – она приличествовала ученому, а я давно оставил науку. Но мазиле непременно надо было в один портрет вместить все – и мое прошлое, и мое будущее. Поэтому край мантии он отогнул и показал висящую на поясе связку ключей. Предполагалось, что это ключи от моих сокровищ. Настоящей связки он, разумеется, никогда не видел, и ключи изобразил несуществующие. Он и предположить не мог, что много лет спустя после бесславной гибели портрета при пожаре я облекусь в мантию и обзаведусь связкой призрачных ключей, звон которых слышен лишь мне самому.

В доме появились новые жилыцы, привезли детей, и от шума я был вынужден спастись в подвале. Тогда выяснилось, что я способен понимать не только родной язык и латинские афоризмы. Это было неожиданным и приятным преимуществом бестелесной жизни. Дети

выросли, завелись новые дети, надстроили третий этаж, улица получила новое название, потом случилась война, в дом попало огромное каменное ядро. После замирения развалины разобрали, но погреб не тронули, а возвели над ним новое здание. И опять рождались дети, помирали старики... да! Один такой покойничек попытался было согнать меня с насиженного места. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы его не забрали. Полагаю, что вниз.

Новая война погубила дом, и опять на его месте поставили другой, а погреб завалили песком и всякой рухлядью. Мне нужно немного пространства, я устроился в подходящей щели, а для прогулок избрал первый этаж, где была кондитерская. Я даже радовался тому, что сундучок мой теперь в совершенной безопасности, а в песке я нашел несколько старых ключей, так что уже имел неплохую связку.

И еще одна война случилась, но на сей раз дом уцелел, зато не уцелела улица. Когда стали заново отстраиваться, дом оказался в глубине двора. Подвала не трогали, он никому не был нужен – до поры. Однажды пришли люди и за несколько дней все расчистили. Потом другие люди принесли ящики и устроили в моем подвале склад. Стены их не интересовали, так что я без особой тревоги смирился с их присутствием.

Я вообще относился к людям спокойно, пугал их редко – только если совсем уже допекали меня своей суетой. Мне нравилось наблюдать за молодыми женщинами – это в моем положении было вполне допустимое скромное развлечение. Я никогда не любил шумных увеселений дурного тона, хотя в молодости был веселым и остроумным кавалером. Шутки мои, возможно, были более язвительны, чем полагается в светском обществе, но сейчас шутить не хотелось. Могу ли я определенно заявить, что заскучал? У меня было такое подозрение. Но каждому возрасту – свои скромные радости, и я с этим смирился, хотя смирение не входило, увы, в число моих добродетелей.

И вот в дом мой пришла беда.

Среди ящиков появилась женщина с громким голосом и быстрой речью. Таким голосом говорят только дуры. Им кажется, что чем громче – тем убедительнее. Обычно на складе я слышал только мужскую речь, в меру приправленную руганью, и не слишком огорчался – чего же еще ждать от полупьяных грузчиков?

Некоторое время спустя ящики были вынесены из подвала, и тогда она снова заявила с каким-то полупьяным субъектом самого плебейского вида. Я не сразу догадался, что они сговариваются о приведении моего подвала в божеский вид, о починке пола, штукатурке стен, белении потолка и прочих важных делах. Я бы не доверил субъекту и вытаскивание ржавого гвоздя из стенки. И мнение мое о том, что женщина дура, получило еще одно подтверждение.

Чинили мой подвал с множеством приключений, которые наконец привели меня в бешенство. Единственное, что утешало, – работники были достойны своего предводителя и не делали ничего лишнего, так что стена, в которой скрыт мой сундучок, совершенно не пострадала. Я и сам принял кое-какие меры. Прожив столько лет в своем теперешнем образе, я кое-чему научился – скажем, знал, как создавать загадочный подземный стон и чем отвлекать внимание от нужных предметов, чтобы они казались потерянными. Работники поняли, что в подвале шалит нечистая сила, но постарались не слишком ее тревожить, только замазали щели, кое-как заделали дыры и навели наружный глянец. Наконец женщина рассчиталась с ними и сама водворилась в подвале.

Места у меня там немного, и это небольшое место она поделила перегородками, отчего образовались какие-то жалкие конурки. Первая от входа были прихожей, там моя дура установила вешалку-стояк, два стула, столик с журналами между ними, зеркало, бра, и все это очень небольшое, стоящее тесно. Я заглянул в журналы и ужаснулся – настало время, когда издают целые альманахи для особ легкого поведения. Там целые страницы посвящались духам, пудре, каким-то неслыханным притираниям, а вместо нравоучительных статей я обнаружил целую диссертацию на тему, как удержать при себе женатого любовника.

Из прихожей можно было попасть в комнату более просторную. Посередине стоял стол – круглый, покрытый бархатной вишневой скатертью, на нем лампа под огромным цветастым абажуром с желтой бахромой и разнообразные шкатулочки. Возле большого стола имелся еще один, пониже, на колесиках, и сразу было видно, что его старались сделать незаметным. На втором столе дура моя разместила телефон и папки с бумагами, электрочайник и посуду. За ним в углу приютился маленький холодильник. Кроме того, она поставила два очень удобных кресла и табуретку у стены.

Окно в моем погребе было именно такое, как полагается в погребах – под самым потолком, длинное и узкое, не более фута. Дура долго думала, как с ним обойтись, наконец пригнала и повесила синие шторы с золотыми звездами. Тут я почувствовал неладное. А когда она приклеила к перегородке огромный круг Зодиака, я уже стал догадываться о постигшем меня несчастье.

Образовались в подвале и еще два помещения, оба такой величины, что человеку там не повернуться. Попасть в них можно было из большой комнаты. Первое я в целом одобрил – там дура устроила довольно опрятное отхожее место, вот только входить туда следовало задом, это был единственный способ удачно сесть на фаянсовую чашу. Второе помещение меня сильно озадачило, я даже заподозрил, что у нее хватило ума оборудовать для меня спальню. Только существо, проходящее сквозь стены, могло благополучно войти туда и лечь на довольно высокое и узкое ложе, занимавшее почти все пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.